

Джон Фаулз

БАШНЯ
ИЗ ЧЕРНОГО
ДЕРЕВА

На берегах фантазии. Проза Джона Фаулза

Джон Фаулз

Башня из черного дерева

«ЭКСМО»

1974

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

Фаулз Д. Р.

Башня из черного дерева / Д. Р. Фаулз — «Эксмо», 1974 — (На берегах фантазии. Проза Джона Фаулза)

ISBN 978-5-699-66802-1

Джон Фаулз – выдающийся британский постмодернист, современный классик и автор всемирно известных бестселлеров «Коллекционер», «Волхв», «Любовница французского лейтенанта» и «Дэниел Мартин». Повести из сборника «Башня из черного дерева» без преувеличения являются жемчужинами литературного наследия великого Фаулза. Еще тоньше прорисована грань между миром подлинным и воображаемым, еще изысканнее вписаны магические элементы в реалистическую картину... Возможно, именно в этих повестях дар Фаулза – яркий, причудливый, исключительный – проявился с особенной силой.

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-66802-1

© Фаулз Д. Р., 1974

© Эксмо, 1974

Содержание

Башня из черного дерева	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джон Фаулз

Башня из черного дерева

© И. Бессмертная, перевод на русский язык, 2013

© И. Гурова, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Башня из черного дерева

*...Et par forez longues et lees
Par leus estranges et sauvages
Et passa mainz felons passages
Et maint peril et maint destroit
Tant qu'il vint au santier tot droit...*

Chrétien de Troyes, «Yvain»

*...Он побывал в лесах глухих.
Проехал много перепутий.
Встречал немало всякой жути
И наконец перед собой
Увидел в дебрях путь прямой...*

*Кретьен де Труа, «Ивэйн»
(Перевод со старофранцузского В. Микушевича.)*

Дэвид приехал в Котминэ в среду, на следующий день после того как сошел на берег в Шербуре, и сразу отправился в Авранш, где и заночевал. Это дало ему возможность не торопясь преодолеть оставшуюся часть пути; целый день он мог наслаждаться всем, что видел вокруг: вдали, словно феерический мираж, поднимались в небо шпили монастыря на острове Мон-Сен-Мишель¹; он с удовольствием побродил по Сен-Мало и Динану, а затем повел машину на юг. Стоял ранний сентябрь, погода была прекрасная, он ехал по совершенно незнакомой ему сельской местности и сразу же влюбился в дышащие покоем ландшафты, недавно убранные поля, примолкшие, словно погруженные в себя, источающие ароматы только что собранного урожая, и ухоженные, с аккуратно подстриженными деревьями сады. Он дважды останавливался – нанести на бумагу особенно приятные глазу сочетания цветовых тонов, особую глубину цвета: проводил параллельные полосы акварелью, добавляя пояснительные заметки карандашом, четким, аккуратным почерком. И хотя в этих словесных заметках содержались кое-какие намеки на реальные предметы – вот эта цветовая полоса ассоциируется с полем, а та – с освещенной солнцем стеной или с отдаленным холмом, – он ничего не зарисовывал. Только записывал дату, время дня, какая стоит погода, и ехал дальше. Он испытывал легкое чувство вины оттого, что все вокруг доставляет ему такое наслаждение, оттого, что совершенно неожиданно оказался здесь один, без Бет, да еще после скандала, который он ей устроил на прощанье; но этот чудесный день, предощущение открытия и, разумеется, сама цель всего мероприятия, так грозно и вместе с тем привлекательно маячившая впереди, теперь уже совсем близко, – все, как нарочно, соединилось, создавая иллюзию полной холостяцкой свободы. А последние несколько миль через Пэмпонский лес, один из немногих лесных массивов, сохранившихся от прежней, заросшей лесами Бретани, оказались просто очаровательными: зеленые, укрытые глубокой тенью неширокие дороги; вдруг открывающиеся то с одной, то с другой стороны узкие, пронизанные солнцем просеки меж деревьями, которым нет ни конца ни края. Его представления о последнем, самом блестящем периоде творчества старого мастера сразу обрели плоть. Сколько ни читай, каких умозаключений ни выстраивай, ничто не

---

¹ Небольшой скалистый остров у берегов Нормандии, где расположен бенедиктинский монастырь-крепость XII–XIV вв. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

заменит собственного опыта. Задолго до того, как Дэвид добрался до цели, он уже знал, что отправился в это путешествие не напрасно. Наконец он свернул на совсем узенькую лесную дорогу, заброшенную *voie communale*², и, проехав около мили, обнаружил обещанный указатель: «*Manoir de Coëtminais. Chemin privé*»³. Увидел белые ворота, которые пришлось открыть, а затем закрыть за собой. Проехав по лесной дороге еще с полмили, он обнаружил, что как раз там, на границе леса, где открывается залитый солнечным светом, заросший высокой травой сад, путь ему преграждают еще одни ворота. К верхней перекладине прибита табличка. Прочитав надпись, Дэвид не мог не улыбнуться: под словами «*Chien méchant*»⁴ шло предупреждение по-английски: «Без предварительной договоренности вход посетителям воспрещен». И как бы удостоверения, что не следует легкомысленно относиться к этим словам, ворота оказались запертыми с внутренней стороны на всякий замок. Видимо, о его сегодняшнем приезде просто забыли. На миг он пришел в некоторое замешательство: да не забыл ли вообще старый черт, что Дэвид должен приехать? Он стоял в густой тени, вглядываясь в солнечное пространство за воротами. Да нет, не мог он забыть, ведь на прошлой неделе Дэвид отправил ему коротенькое, напоминающее о договоренности письмо, еще раз поблагодарив старика и повторив, что с нетерпением ждет встречи. Совсем рядом, с одного из деревьев у него за спиной, раздавалась птичья трель – странный, высокий, трехсложный зов, словно кто-то неумело наигрывал на оловянной дудочке. Он оглянулся, но птицы не увидел. Птица явно не английская. Станным образом эта мысль заставила его вспомнить, что он-то ведь – англичанин. Есть там злая собака или нет, не к лицу ему... Он пошел назад, к машине, выключил мотор, запер двери, вернулся и перелез через ворота.

Дэвид шагал по въездной аллее через сад, меж старыми деревьями, ветви которых были усыпаны кислицей и мелкими красными яблоками, годившимися разве что на сидр. Ни лая, ни рычания: ничто не говорило о присутствии собаки. Дом – *manoir* – стоявший в полном одиночестве, словно остров посреди океана огромных дубов и буков, не оправдал его ожиданий. Может быть, оттого, что Дэвид не очень-то владел французским и почти не знал Франции за пределами Парижа, слово «*manoir*» он воспринимал прежде всего зрительно, потому и переводил на английский как «*manor-house*» – «замок». На самом же деле этот «замок» больше походил на старую ферму зажиточного хозяина; ничего особенно аристократического в его фасаде не было: светлая, красновато-желтая штукатурка, по ней – широкой клеткой – перекрестья более ярких красноватых планок и, резким контрастом на этом фоне, темно-коричневые ставни окон. От восточного торца под прямым углом отходил небольшой флигель, явно более поздней постройки. Но этот нехитрый ансамбль обладал каким-то особым очарованием: небольшой старый дом имел свое лицо, свой собственный характер, создавал ощущение доброй надежности. Просто Дэвид ожидал увидеть что-то гораздо более грандиозное.

С южной стороны к дому примыкал усыпанный гравием двор. Герани у подножия стены, два разросшихся куста вьющихся роз, стайка белых голубей разбрелась по крыше... Все ставни были закрыты: дом спал. Но главный вход, весьма необычно оказавшийся не в центре дома, а ближе к западному торцу, с геральдическим каменным щитом над дверью – детали герба давно стерло время, – был оставлен открытым. Дэвид осторожно прошел ко входу по гравию двора. Ни дверного молотка, ни звонка обнаружить не удалось. К счастью, не удалось обнаружить и злой собаки, о которой предупреждала грозная надпись. Он увидел холл с выложенным каменными плитами полом, дубовый стол у древней деревянной лестницы, ведущей наверх, с истертыми и покривившимися, прямо-таки средневековыми перилами. За нею, в противоположном конце дома, в раме другой распахнутой двери открывался солнечный сад. Дэвид

² Коммунальная (не частная) дорога (*фр.*).

³ «Усадьба Котминэ. Частная дорога» (*фр.*).

⁴ «Злая собака» (*фр.*).

постоял в нерешительности, поняв, что явился раньше, чем обещал, потом постучал костяшками пальцев по массивной входной двери. Через несколько секунд, осознав тщетность своих надежд на то, что столь слабый звук может быть услышан, он шагнул через порог. По правую руку протянулась длинная, словно картинная галерея, гостиная. Должно быть, старые деревянные перегородки снесли, но главные стойки решили оставить, и, черные на фоне беленых стен, они, словно мощный костяк, несли на себе пространство этой комнаты. Пожалуй, это напоминало стиль эпохи Тюдоров: интерьер гораздо более английский, чем внешний вид дома. Получилось очень красиво. Создавалось впечатление не слишком просторного, но полного воздуха пространства: старинная мебель резного дерева, вазы с цветами, в дальнем конце – несколько кресел и два дивана; старинные ковры – розовые с красным и, разумеется, картины... Но поразительно другое: всякий может вот так, запросто, взять и войти, а ведь Дэвид знал, что кроме собственных работ у старика имеется небольшая, но весьма представительная коллекция картин. Назывались известнейшие имена: Энсор⁵, Марке⁶, вон тот пейзаж в самом конце, скорее всего, «холодный» Дерен⁷, а над камином...

Но пора было как-то дать знать о своем появлении. Он прошел по каменным плитам, мимо лестницы, к двери в противоположном конце холла. Перед ним простерлась широкая травянистая лужайка, клумбы цветов, живописные группы кустов, декоративные деревья. С севера лужайку защищала высокая стена; Дэвид разглядел за нею другие строения, пониже, не видные от фасада дома: коровники и амбары, оставшиеся от тех времен, когда здесь была ферма. Посреди лужайки росла катальпа, подстриженная в форме огромного гриба; в ее тени расположились, чуть нарочито, словно беседуя между собой, садовый стол и три плетеных кресла. А на траве за ними в знойном озерке солнечного света расprostерлись бок о бок две нагие женские фигурки. Та, что подальше, полускрытая от глаз, лежала на спине и, кажется, спала. Та, что поближе, улеглась на живот и, подперев подбородок руками, читала книгу. На голове у нее была широкополая соломенная шляпа, тулью которой свободно обвивала полоса ткани глубокого красного цвета. Девичьи тела уже приобрели шоколадный – совершенно одинаковый у обеих – оттенок. Ни та ни другая явно не подозревали, что в тени дверного проема, всего шагах в тридцати от них, скрывается незнакомец. Трудно было представить, чтобы в лесной тиши они не слышали, как подъехала его машина. Но он и в самом деле приехал раньше, чем обещал в письме: время «вечернего чая» еще не наступило, пяти часов еще не было. А может, у двери все-таки был звонок, а в доме – слуга, который должен был его услышать? Несколько коротких мгновений он отмечал в уме теплые тона двух неподвижных женских тел, зелень катальпы и зелень травы, яркий кармин ткани на шляпе девушки, розовый цвет стены в отдалении и вдоль стены – ряды очень старых, но аккуратно подстриженных плодовых деревьев. Потом отвернулся и пошел назад, к главному входу. Смущения он не испытывал, все происходящее его скорее забавляло. Он опять подумал о Бет: она была бы в восторге от возможности вот так, с ходу окунуться в живую легенду... Ох уж этот развратный старый фавн и его шумевшие забавы!

В том самом месте, где он вторгся в дом, Дэвид сразу же обнаружил то, чего, обуянный любопытством, не заметил поначалу. На каменном полу у дверного косяка стоял большой

⁵ Энсор Джеймс (1860–1949) – бельгийский художник, живописец и график, сначала следовавший французским импрессионистам, а затем обратившийся к национальным традициям, восходившим к Рубенсу и Босху. Известны также его пейзажи и натюрморты.

⁶ Марке Альбер (1875–1947) – французский художник, знаменитый своими пейзажами, стиль которых – сдержанный, искренний и глубоко поэтический – сугубо индивидуален. Излюбленная тема Марке – Париж.

⁷ Дерен Андре (1880–1954) – французский художник, один из основоположников фовизма (от *Les Fauves (фр.)* – дикие – движение в живописи, расцветшее после 1905 г. и ассоциирующееся прежде всего с творчеством Матисса. Характерно использованием яркого и произвольно выбираемого цвета, неожиданных цветовых диссонансов для выражения чувств и настроений художника). Дерен затем неоднократно менял стиль, легко переходя от одного к другому. Великолепны его пейзажи, известны также скульптуры, книжная графика, театральные работы.

бронзовый колокольчик. Дэвид поднял его, встряхнул и тут же пожалел об этом: громкий и резкий, как на школьном дворе, звон взорвал тишину сонного дома, разрушив его солнечный мир. Но ничего не произошло: не слышно было шагов наверху, дверь в дальнем конце комнаты была по-прежнему закрыта. Он стоял и ждал у порога. Прошло примерно с полминуты. Наконец одна из девушек – он не разобрал, которая именно, – появилась в дверях, ведущих в сад, и направилась к нему. Теперь на ней было простое белое, из хлопчатобумажной ткани, галабийе⁸. Стройная девушка, чуть ниже среднего роста и чуть старше двадцати; золотисто-каштановые волосы, правильные черты лица; спокойный взгляд больших, широко расставленных глаз. Босая. Типичная англичанка. Она остановилась шагах в десяти от него, у лестницы.

– Вы – Дэвид Уильямс?

Дэвид виновато развел руками:

– Вы меня ждали?

– Да.

Руки она ему не протянула.

– Простите, что пробрался сюда украдкой. Ворота у вас на запоре.

Она покачала головой:

– Да просто потянули бы вниз замок. Жаль, что так вышло. – Она вовсе не казалась огорченной или растерянной. Сказала: – Генри спит.

– Ну, так не будите его, ради бога. – Дэвид улыбнулся. – Я рановато приехал. Думал, поиски больше времени займут.

Она внимательно вглядывалась в его лицо: гость явно искал ее расположения.

– С ним сладу нет, если он днем не поспит.

Дэвид усмехнулся:

– Видите ли, я его предложение здесь остановиться за чистую монету принял. Но если...

Она посмотрела мимо него – куда-то сквозь открытую дверь, потом снова подняла глаза к его лицу и слегка повела головой в ту сторону, спросив без всякого интереса:

– А ваша жена?

Он объяснил, что у дочери ветрянки и прямо перед отъездом подскочила температура.

– Жена вылетит в Париж только в пятницу. Если Сэнди станет получше. Там я ее и встречу.

Снова – спокойный, испытующий взгляд.

– Тогда я покажу вам где и что?

– А вы уверены, что?..

– Да это без проблем.

Слегка повела рукой, приглашая, повернулась и пошла к лестнице, такая простая, белая, странно застенчивая и покорная, словно служанка, – вопреки первому впечатлению.

– Замечательная комната, – произнес Дэвид.

Она коснулась ладонью потемневших перил лестницы:

– Пятнадцатый век... Говорят.

Головы к нему она не повернула, даже не глянула в сторону комнаты, о которой шла речь. И ни о чем не спросила, будто он приехал сюда не издалека.

С верхней площадки она свернула направо по коридору. Посередине, во всю его длину, шла плетенная из камыша циновка. Девушка открыла вторую дверь по порядку и переступила порог, не выпуская из пальцев ручку и внимательно глядя на Дэвида: точно как *patronne*⁹ в гостинице, где он останавливался вчера. Он прямо-таки ожидал, что она вот-вот скажет, сколько стоит номер.

---

⁸ Галабийе (историч. арабск.) – верхняя одежда – длинная, до щиколоток, прямая рубаха.

⁹ Хозяйка (фр.).

- Ванная рядом.
- Чудесно. Я только схожу за машиной.
- Как вам угодно.

Она затворила дверь. Девушка казалась необычайно сдержанной и серьезной, в ней было что-то от Викторианской эпохи, несмотря на галабийе. Дэвид ободряюще улыбнулся ей, когда они шли по коридору назад, к лестнице:

- А вы?..
- Генри зовет меня Мышь.

Дэвиду показалось, что выражение ее лица стало суше, а может, в ее ответе звучал вызов?

Трудно сказать.

- Вы давно с ним знакомы?
- С весны.

Он попытался вызвать ее сочувствие:

- Я понимаю, он вовсе не в восторге от таких визитов.

Она слегка пожала плечами:

- Просто надо ему подыгрывать. Он из тех, что лают, да не кусают.

Было ясно: она пытается дать ему что-то понять; может быть, догадалась – он видел ее в саду, и теперь нужно показать, что по отношению к посетителям она сохраняет определенную дистанцию. Девушка явно стремится играть роль хозяйки и все же ведет себя так, словно этот дом не имеет к ней никакого отношения. Они остановились на нижней ступеньке, и она обернулась к двери, ведущей в сад:

- Так в саду? Через полчаса? Я бужу его в четыре.

Дэвид снова усмехнулся: тон холодный, будто медсестра говорит о пациенте, что бы там досужие языки ни болтали о человеке, которого она называет просто «Генри» и «он».

- Прекрасно.
- Чувствуйте себя *comme chez vous*¹⁰, идет?

Она постояла минутку в нерешительности, будто вдруг осознав, что была слишком холодна и немногословна. Преодолевая застенчивость, попыталась наконец приветливо улыбнуться – не очень успешно. Опустила глаза и, ступая босыми ногами по каменным плитам пола, молча направилась в сад; в проеме двери ее белое одеяние вдруг обрело прозрачность, насквозь пронизанное солнечными лучами: тенью мелькнул силуэт обнаженного тела. Дэвид подумал, что забыл спросить про собаку. Впрочем, она ведь должна была позаботиться и об этом. Постарался припомнить, случалось ли, чтобы в чужом доме его встречали более холодно... будто он позволил себе слишком многое счесть само собой разумеющимся, а ведь у него ничего подобного и в мыслях не было... во всяком случае, к ней это вообще никакого отношения не имело. Он считал, что старик и думать забыл про былые утехы.

Дэвид пошел через сад к воротам. Тут девушка оказалась права: стоило лишь потянуть, как дужка замка отделилась от корпуса. Подъехав к дому, он поставил машину в тени большого каштана, почти напротив входа, взял саквояж и портфель и достал из машины вешалку с джинсовым костюмом. Ступив на лестницу, бросил мимоходом взгляд через открытую в сад дверь: обе девушки исчезли без следа. Наверху, в коридоре, он задержался – посмотреть на две картины, которые заметил, когда Мышь впервые привела его сюда. Тогда ему не удалось определить имя художника, но теперь... Ну конечно же, это Максимильен Люс¹¹. Повезло старику – успел закупить картин, пока искусство не стало предметом наживы, выгодным вложением средств. О холодном приеме Дэвид тут же забыл.

---

¹⁰ Как у себя дома (*фр.*).

¹¹ Люс Максимильен (1858–1941) – французский художник-неоимпрессионист, живописец и литограф, испытывавший сильное влияние Писарро, Сера, Синьяка. Широко известны его портреты Сера и Синьяка.

Его комната была очень просто обставлена: двуспальная кровать – неуклюжая попытка сельских мастеров имитировать ампир; ореховый, источенный шашелем гардероб; стул и дряхлый шезлонг с истертой зеленой обивкой; зеркало в позолоченной раме – ртутный слой кое-где стерся, оставив темные пятна. Пахло сыростью – комнатой пользовались редко, а вещи – явно с деревенских распродаж. И резким контрастом всему прочему – над кроватью картина Лорансен¹², с подписью художницы. Дэвид попробовал снять ее с крючка – рассмотреть на свету, да не тут-то было: рама оказалась привинчена к стене. Он улыбнулся, покачав головой: эх, Бет бы сюда!

В лондонском издательстве Дэвида успели предупредить – предупреждал, собственно говоря, тот самый глава отдела, который и замыслил этот проект, – о многих рифах, пострашнее запертых ворот, на пути тех, кто решался посетить Котминэ. Старик обидчив и раздражителен, есть имена, которые при нем не следует даже упоминать, он груб и заносчив, любит задирать собеседника, без всякого сомнения этот «гений» может вести себя как последний подонок. Впрочем, создавалось впечатление, что он может и очаровать собеседника – если тот сумеет ему понравиться. «В чем-то он наивен как ребенок, – говорил издатель. И еще: – Не вступайте с ним в споры об Англии и англичанах, не забывайте, что он всю жизнь вынужден был провести в изгнании: ему неприятны напоминания о том, что он, по всей вероятности, упустил. – И последнее: – Старик просто жаждет, чтобы мы опубликовали книгу о нем. Пусть Дэвид не даст себя одурачить и помнит, что герою этой книги вовсе не все равно, что думают о нем у него на родине».

На самом деле эта поездка была не так уж обязательна. Вчерне Дэвид уже набросал введение: он прекрасно знал, о чем собирается написать; существовало множество каталогов с обширными очерками, особенно интересен каталог 1969 года – «Ретроспектива» в Галерее Тейт¹³ – запоздалое признание – оливковая ветвь от британского официального искусства; два очерка в каталогах двух самых последних выставок – в Париже и Нью-Йорке; небольшая монография Майры Ливи, опубликованная в серии «Современные мастера», и переписка с Мэтью Смитом¹⁴; вполне можно использовать и несколько интервью, разбросанных по разным журналам. Оставалось лишь выяснить кое-какие детали биографии, но и эти вопросы можно было задать в письме. Разумеется, существовала масса профессиональных тем, которые интересно было бы обсудить, вопросов, касающихся искусства, которые так хотелось бы задать; да только старик никогда не проявлял желания рассуждать об этом, говорил загадками, иной раз намеренно вводил собеседника в заблуждение, а порой просто грубил. Так что, по сути, Дэвиду всего-навсего представилась возможность увидеть человека, на которого он уже потратил столько времени и работами которого – с некоторыми оговорками – искренне восхищался... Да и здорово будет упомянуть, что знаком с художником лично. Как-никак старик теперь признанная величина, его полотна ставят в один ряд с картинами Бэкона¹⁵ и Сазерленда¹⁶. Можно даже сказать, что он – самый интересный в этом букете избранных, хотя сам

---

¹² Лорансен Мари (1885–1956) – французская художница со своим собственным, очень «женским» стилем и выбором сюжетов. Работала также для театра, иллюстрировала книги.

¹³ Галерея Тейт (в Лондоне) – богатейшее собрание картин английских мастеров начиная с XVI в., а также произведений зарубежных художников XIX и XX вв., особенно импрессионистов и постимпрессионистов. Имеет также большую коллекцию скульптуры. Основана в 1897 г. Названа по имени основателя – Генри Тейта.

¹⁴ Смит Мэтью (1879–1959) – английский художник. Много лет работал в Париже. Тяготел к французской импрессионистской живописи.

¹⁵ Бэкон Фрэнсис (1909–1992) – английский художник-самоучка. Начал работать в 30-е гг., копируя фотографии и картины других авторов. Затем творил самостоятельно, изображая человеческие фигуры искаженными, в странных позах, с расплывшимися или отсутствующими лицами. В живописи использовал интенсивный цвет, неожиданные контрасты. Прославился в 1944 г. тремя этюдами к «Распятию». После Второй мировой войны стал одним из самых знаменитых и вызывающих бурные дискуссии художников в Англии.

¹⁶ Сазерленд Грэм (1903–1980) – английский художник, в начале творчества тяготевший к романтикам – Блейку и Палмеру, затем – к абстракционизму; во время Второй мировой войны – официальный художник правительства; в яркой и свое-

старикан, скорее всего, в ответ заявил бы, что дело совсем просто объясняется: в его работах английского нет ни черта.

Родился он в 1896-м, учился в Художественном училище Слейда¹⁷ в славные дни господства там Стирсов и Тонкса; в 1916-м, когда надо было раскрыть карты, объявил себя неприемлемым пацифистом и в 1920-м очутился в Париже, навсегда порвав с Англией не только физически, но и духовно; потом лет десять, а то и больше, как раз когда Россия повернулась к соцреализму, провел в мучительных поисках ничейной земли между сюрреализмом и коммунизмом. Еще лет десять Генри Бресли пришлось ждать хоть какого-то признания у себя на родине. Это случилось, когда он вынужден был провести пять лет в Уэльсе, в «изгнании из изгнания» во время Второй мировой войны. Его рисунки, посвященные гражданской войне в Испании, явились для англичан поистине откровением. Как многие художники, Бресли оказался далеко впереди политиков. В 1942-м лондонская выставка его работ 1937–1938 годов вдруг задела британцев за живое: ведь теперь они знали, что такое война и какой трагической глупостью было если и не поддерживать, то хотя бы не осуждать фашизм. Люди мыслящие понимали, что ничего пророческого в его работах, передававших ярость и боль Испании, нет, по духу своему они шли прямым от Гойи. Но сила и мастерство художника, высочайшая выразительность его рисунков не вызвали сомнений. Работы произвели сильное впечатление на публику; такое же сильное впечатление, хоть и у гораздо более узкого круга, оставила репутация Бресли как человека «сложного». К 1946 году, когда художник вернулся в Париж, легенда о его злобно-желчном неприятии всего английского, традиционно-буржуазного, особенно если речь шла об официальных взглядах на искусство или об администраторах от искусства, прочно осела в умах его соотечественников.

В следующие десять лет ничего особенного – с точки зрения его популярности у широкой публики – не происходило. Но им заинтересовались коллекционеры, а в Париже и в Лондоне среди любителей живописи появились весьма влиятельные поклонники творчества Бресли, хотя, как и многие европейские художники, он пострадал от стремительного взлета репутации Нью-Йорка как главного судьи в вопросах мирового искусства. В самой Англии ему так и не удалось использовать к своей выгоде потрясение, вызванное «черным сарказмом» его испанских рисунков, но новые работы художника свидетельствовали о верности руки и возрастающей творческой зрелости. К этому периоду относилась большая часть его интерьеров и полотен с обнаженной натурой: далеко запрятанное гуманистическое начало наконец вырвалось наружу; впрочем, публику, как всегда, гораздо больше интересовала богемная сторона его жизни – сплетни о его пьянстве и о его бесчисленных любовницах разносились самыми желтыми и самыми шовинистическими газетенками, то и дело принимавшимися травить старого изгнанника. Однако к концу пятидесятых этот его образ жизни приобрел, так сказать, сугубо исторический интерес. И слухи, и реальные факты жизни нераскаившегося грешника, как и его презрение ко всему английскому, стали восприниматься как забавные чудачества, представляющиеся такими закономерными, приятно узнаваемыми обывательскому уму с его восхитительной способностью смешивать серьезное творчество с красочной биографией... когда отрезанное ухо Ван Гога затмевает любую попытку рассматривать искусство как высшее проявление психической нормы, а не как слащавую мелодраму. Надо признать, что Бресли и сам не очень-то отказывался от навязанной ему роли: если публика хотела, чтобы ее шокировали, он в большинстве случаев охотно шел публике навстречу. Но самые близкие друзья знали, что,

---

образной манере изображал ужасы войны, разрушенные здания, человеческую боль и т. п. Писал пейзажи и портреты. Известен его портрет Сомерсета Моэма, а также портрет Уинстона Черчилля, вызвавший противоречивые оценки и уничтоженный семьей Черчиллей.

¹⁷ «Школа Слейда» – знаменитое училище при Лондонском университете (основано в 1871 г. Феликсом Слейдом, известным филантропом и коллекционером произведений искусства).

хоть он и продолжал время от времени выставлять свои грехи напоказ, характер его на самом деле очень сильно изменился.

В 1963-м Бресли купил этот *manoir* – старую усадьбу в Котминэ – и навсегда покинул свой любимый Париж. Год спустя появились его иллюстрации к Рабле – последняя проба сил в качестве чистого рисовальщика. Издание было элитным, вышло малым тиражом и скоро стало чуть ли не самой ценной из книг этого рода, опубликованных в нашем столетии. В том же году он написал первую картину, положившую начало целой серии полотен последнего периода, которые принесли ему не просто признание – всемирную славу. И хотя он упорно отвергал всяческие попытки мистического истолкования его работ (у старика оставалось еще достаточно от былых левых взглядов, чтобы можно было заподозрить его в религиозных устремлениях), огромные, великие – в буквальном и переносном смысле – полотна, где доминировали зеленые и синие тона, одно за другим рождались в его новой студии, и создавал их такой Генри Бресли, о существовании которого мир до сих пор и помыслить не мог. В каком-то смысле можно считать, что ему позже, чем многим другим художникам равного мастерства и опыта, открылось, кто он есть на самом деле. Нельзя сказать, что он превратился в затворника, но профессиональным *enfant terrible*¹⁸ он быть перестал. Сам он как-то назвал свои картины «грезами»; в них, несомненно, сохранилось что-то от его сюрреализма двадцатых годов – любовь к анахронистическим сопоставлениям несопоставимых образов. В другой раз он сказал, что создает гобелены, и в самом деле, некое *atelier*¹⁹ в Абюссоне выполняло работы по его эскизам. Было ощущение, что, как выразился один критик, рецензируя «Ретроспективу» в Галерее Тейт, «здесь имеет место немыслимый союз между Сэмюэлом Палмером²⁰ и Шагалом», эклектизм, впитанный художником и совершенно им преобразованный, нечто, всегда заметное в его творчестве, но что до Котминэ еще не слилось воедино; в его полотнах было что-то и от Нолана²¹, хотя сюжеты просматривались гораздо менее четко, были более загадочны, устремлены к первоначальному... «Кельтские мотивы», – все чаще по вторяли знатоки, говоря о его картинах: лесные чащи, загадочные фигуры, несопоставимые образы.

Бресли и сам отчасти подтверждал эти предположения: когда кто-то отважился – и довольно успешно – расспросить его об истоках, он ответил охотно, хоть, может, и не совсем честно: Пизанелло²² и Диас де ла Пенья²³. Нечего и говорить, что кивок в сторону Диаса и барбизонцев²⁴ отдавал сарказмом в собственный адрес. Но в ответ на расспросы о Пизанелло он назвал полотно в лондонской Национальной галерее «Видение святого Евстафия» и признался, что картина эта преследует его всю жизнь. Если его признание на первый взгляд и показалось

¹⁸ Букв.: «ужасный ребенок», фигурально используется в смысле «человек, доставляющий неприятности, эпатажирующий общество» (фр.).

¹⁹ Здесь: небольшая фабрика (фр.).

²⁰ Палмер Сэмюэл (1805–1881) – английский художник, крупнейший представитель романтического направления в живописи. Особенно известен своими пейзажами.

²¹ Нолан Сидни (1917–1992) – знаменитый австралийский художник, приобретший международную известность картинами из истории Австралии, ее легенд и мифов.

²² Пизанелло (Антонио ди Пуччо ди Черретто) (1395–1455) – итальянский живописец, рисовальщик и медальер. В его живописных произведениях (фреска «Святой Георгий и принцесса» в церкви Сант-Анастасия в Вероне, «Видение святого Евстафия», Национальная галерея в Лондоне) готические традиции вытесняются ренессансными исканиями. Особенно это заметно в его рисунках и медалях.

²³ Пенья Диас де ла (1807–1876) – французский художник испанского происхождения. Последователь Барбизонской школы (см. далее). Испытывал значительное влияние Теодора Руссо (сказавшееся особенно в его лесных пейзажах Фонтенбло), а также Делакруа, которому следовал в точности композиции и строгости стиля.

²⁴ Барбизонская школа – группа французских мастеров реалистического пейзажа 30–60-х гг. XIX в. Получила название от деревни Барбизон близ леса Фонтенбло к юго-востоку от Парижа. Утверждала эстетическую ценность реальной природы в противовес романтической и академической школам живописи. Представители старшего поколения барбизонцев – Т. Руссо, Ж. Дюпре, Н. В. Диас. Крупнейший художник младшего поколения – Ш. Ф. Добиньи.

слишком мало что объясняющим, впоследствии стали утверждать, что Пизанелло и его учителя – мастера первой половины XIV века – испытывали влияние Артуровского цикла²⁵.

Именно эта сторона творчества старого художника и привела молодого Дэвида Уильямса (родившегося в тот самый 1942 год, когда Бресли впервые обрел признание в Англии) в усадьбу Котминэ в сентябре 1973 года. Раньше, до «Ретроспективы» в Галерее Тейт, особого интереса к Бресли он не испытывал. Но на выставке его поразили некоторые совпадения с течением или стилем в искусстве, которое можно назвать мировой готикой и которое всегда интересовало его как ученого. Спустя два года он опубликовал статью об увиденных им параллелях. Послал экземпляр статьи в подарок художнику, но ответа не последовало. Прошел год, Дэвид уже и думать забыл об этом и почти перестал интересоваться творчеством старика, как вдруг, словно гром с ясного неба, пришло предложение от издательства написать биографическое и искусствоведческое предисловие к книге «Искусство Генри Бресли»; в приложенной к официальному письму записке сообщалось, что предложение делается с одобрения художника.

К старому мастеру ехал не такой уж неопытный и никому не известный юнец. Родители Дэвида – и мать, и отец – были архитекторами, работали вместе, в собственной небольшой фирме, и этот семейный тандем пользовался довольно широкой известностью. У их сына с малых лет проявились врожденные способности и обостренное чувство цвета; с самого рождения его окружали люди, всегда готовые ободрить мальчика, прийти ему на помощь. Потом, решив заняться живописью, он поступил в художественное училище. На третьем курсе он был самым блестящим студентом и не только писал, но и продавал свои работы. Он представлял собою *rara avis*²⁶ и кое в чем другом: в отличие от большинства сокурсников, он прекрасно умел выражать свои мысли. Выросший в доме, где со временное искусство и его проблемы постоянно были предметом внимания и обсуждались подробно и без обиняков, он отлично владел как устной, так и письменной речью. К тому же он по-настоящему знал историю искусства: у его родителей был дом – перестроенная ферма – в Тоскане, он часто жил там, и эти поездки, наряду с ярко выраженным собственным энтузиазмом, весьма способствовали приобретению необходимых знаний. Он прекрасно понимал, что ему повезло, понимал и то, что такое везение должно вызывать зависть у его не столь щедро одаренных природой и судьбой одноклассников. И так как ему нравилось нравиться, он выработал для себя манеру поведения, в которой в равной мере сочетались открытость и такт. Может быть, самой примечательной характеристикой Дэвида в студенческие годы было то, что он пользовался у студентов большой популярностью, – точно так же, как впоследствии пользовался популярностью уже как преподаватель и консультант и даже не вызывал особой ненависти у жертв своих критических статей о живописи. Надо сказать, он никогда никого не разносил, лишь бы разносить в пух и прах. Ему всегда удавалось отыскать в художнике или в выставке что-то достойное похвалы.

Окончив училище, он по собственному желанию год занимался в Институте Курто. После этого преподавал мастерство, одновременно читая общий курс эстетики. Продолжал писать картины, испытывая сильное влияние опарта²⁷ и Бриджет Райли, и, хоть светил отраженным светом, немало от этого выигрывал. Он стал одним из молодых художников, чьи полотна с удовольствием приобретали те, кто не мог позволить себе купить работы самой Райли. Через некоторое время (в 1967-м) он завел интрижку со своей ученицей – студенткой третьего курса

---

²⁵ Романы о короле Артуре, легендарном правителе Британии (предположительно V–VI вв. н. э.), написанные разными авторами и на разных европейских языках. Впервые появились ок. XII в. на основании существовавших легенд. В Англии в середине XV в. был издан знаменитый роман сэра Томаса Мэллори (ум. 1471) «Смерть короля Артура», написанный им (по его словам) в значительной степени «по французской книге».

²⁶ Редкий случай (лат.).

²⁷ Сокр.: оптическое искусство – одна из форм абстрактной живописи, развившаяся в 1960-е гг. Художники оп-арта использовали оптические эффекты, чтобы создать иллюзию движения изображенных на полотне фигур. Наиболее известные представители – Бриджет Райли и Виктор Васарели.

и очень скоро решил, что это – настоящее. Они поженились и с помощью родителей купили дом в Блэкхите²⁸. Тут Дэвид решил попытать счастья и жить исключительно на то, что давали занятия живописью. Но рождение Александры – первой из двух его дочек – и масса всяческих других обстоятельств, одним из которых был собственный творческий кризис – сомнения в том, что он делает, и начавшееся высвобождение из-под влияния Райли, – заставили его искать дополнительные источники дохода. Ему не хотелось возвращаться к преподаванию в студии, но он снова взялся за чтение лекций – на полставки. Случай свел его с человеком, предложившим ему написать несколько критических статей; через год это стало вполне ощутимым источником дохода, и он смог оставить преподавание. С тех пор он только писал – статьи и картины.

Теперь, когда ему удалось выбраться из тени оп-арта, работы его получили довольно широкое признание, так что на выставках многие из них обретали красные звездочки²⁹. И хотя он оставался абстрактным художником – в принятом смысле этого словосочетания (то есть чистым колористом, если пользоваться сегодняшней терминологией), – сам он понимал, что движется все ближе к природе, все дальше от искусной заумности Райли. Его полотна отличались тщательно выверенной техникой письма, крепкой архитектуроникой – качество, явно унаследованное от родителей-архитекторов, – и тонким чувством цвета. Попросту говоря, они прекрасно смотрелись на стенах комнат, украшая жизнь, что и было одной из главных причин их коммерческого успеха (Дэвид прекрасно это понимал); другая причина – он писал картины гораздо меньшего размера, чем большинство других абстракционистов. Это он, скорее всего, тоже перенял от матери и отца: пристрастие заокеанских художников к монументальности, их стремление писать сразу для огромных музейных залов и выставок современного искусства представлялось ему мало оправданным. И он был не из тех, кто стыдится, что его работы украшают интерьеры особняков и квартир, что ими можно восхищаться дома, наедине, а не на людях, и именно так, как и замыслил он сам.

Неоправданных претензий Дэвид не терпел, однако был не лишен некоторой доли тщеславия. Картины все еще приносили ему гораздо больше денег, чем статьи, и это имело для него колоссальное значение, так же как и, если можно так выразиться, состояние собственного статуса среди художников его поколения. Ему претила сама мысль о том, чтобы отпихивать кого-то локтями, завоевывая престиж, но он пристально следил за соперниками и за оценкой, которую те получали в прессе. И он нисколько не заблуждался на свой счет: в собственных статьях о живописи он щедрее всего хвалил тех, кого больше всего опасался.

Брак его оказался вполне удачным, если не считать недолгого периода, когда Бет вдруг взбунтовалась против «вечного материнства» и встала под знамена «Движения за освобождение женщин»; но сейчас у нее за плечами было уже два иллюстрированных ею детских издания, заказ на очередной комплект иллюстраций и еще один в перспективе. Дэвид всегда восхищался тем, как сложилась семейная жизнь его родителей. Теперь и в его собственной семье устанавливалась такая же легкая атмосфера взаимопонимания и товарищества.

Отправляясь в Котминэ, он опасался лишь одного: вдруг Бресли не знает, что Дэвид художник? Точнее говоря – какой именно художник, да к тому же еще и автор статей об искусстве. По словам издателя, Бресли никаких вопросов на этот счет не задавал. Он видел статью и нашел, что она «легко читается»; главное, что его интересовало, было качество цветных репродукций в предполагаемой книге. То, что Бресли считал абстрактную живопись дорогой, ведущей в никуда, было широко известно, так что старик, скорее всего, не захотел бы и минуты потратить, чтобы познакомиться с работами Дэвида. Впрочем, может, он сменил гнев на милость в этом вопросе, хотя, когда в 1969 году Бресли был в Лондоне, он ушаты грязи

---

²⁸ Зеленый (парковый) жилой район на юго-восточной окраине Лондона.

²⁹ Знаки в каталоге и на ярлыках картин, означающие, что картины проданы.

вылил на голову Виктора Пасмора³⁰; ну, надо думать, что, живя в такой дали от Лондона, старик просто не подозревает, какую, пусть и не очень ядовитую, змею собираются пригреть у себя на груди. Дэвид надеялся, что удастся избежать разговоров на эту тему, а если не удастся, придется импровизировать – применяясь к ситуации, и попытаться доказать старику, что мир уже довольно давно отказался от таких узколобых подходов. И то, что Дэвид принял предложение писать о Бресли статью, само по себе служит тому доказательством. Бресли ведь «работал», а то, что эмоционально и стилистически он работал в манере совершенно иной или далекой от манеры Дэвида (да и художников «Стиля»³¹, Бена Никольсона³² и многих других, включая архиренегата Пасмора), для искусства двадцатого столетия совершенно не имеет значения.

Дэвид был человеком молодым, но – превыше всего – человеком терпимым, широко мыслящим и любознательным.

Подаренные ему до пробуждения «Генри» полчаса или чуть больше Дэвид посвятил осмотру картин в гостиной. Время от времени он бросал взгляд то в одно окно, то в другое на лужайку позади дома. Она была по-прежнему пуста; в доме царила такая же тишина, как при его первом появлении. В протянувшейся во всю длину дома гостиной он увидел только одно полотно Бресли, но и кроме него тут было чем восхищаться. Дэвид угадал правильно: пейзаж действительно принадлежал кисти Дерена. Три замечательных рисунка Пермеке³³. Энсор и Маркс. Ранний Боннар³⁴. Характерный нервный карандаш – набросок без подписи, но несомненный Дюфи³⁵. Потрясающий Явленский³⁶ (и как только он мог попасть старому черту в руки?). Отто Дикс³⁷ – пробный оттиск гравюры, с подписью автора, разумно сопоставлен с рисунком Невинсона³⁸. Два Мэтью Смита, один Пикабия³⁹, небольшой натюрморт с цветами, должно быть ранний Матисс, хотя чего-то в нем вроде бы не хватает... и это еще не все – гораздо больше здесь было картин и рисунков, авторов которых Дэвид определить не смог. Если принять как данность отсутствие здесь крайних школ, в этой длинной комнате были собраны такие художники первой половины двадцатого столетия, что многие небольшие музеи перегрызли бы друг другу глотки, лишь бы их заполучить. Бресли собирал, разумеется, доверенных мастеров и, по-видимому, всегда имел какие-то, вполне достаточные для этого, собственные средства. Единственный ребенок в семье, он, должно быть, получил довольно зна-

---

³⁰ Пасмор Виктор (1908–1998) – известный английский художник-абстракционист, один из организаторов первой послевоенной выставки абстрактного искусства.

³¹ Группа голландских художников и архитекторов, принадлежавших к авангардистскому движению в искусстве (1917–1931), объединившихся вокруг журнала, от которого группа и получила свое название.

³² Никольсон Бен (1894–1982) – крупнейший художник-абстракционист XX в., чьи произведения носят глубоко английский характер.

³³ Пермеке Констан (1886–1952) – бельгийский художник и скульптор, крупнейший представитель бельгийского экспрессионизма.

³⁴ Боннар Пьер (1867–1947) – французский художник, испытывавший значительное влияние П. Гогена и позднего импрессионизма. Знамениты его глубоко лиричные пейзажи, натюрморты, интерьеры, а также ню и бытовые сцены.

³⁵ Дюфи Рауль (1877–1953) – французский живописец, график, театральный художник, испытывавший значительное влияние импрессионизма; в 1905–1908 гг. примыкал к фовизму. В своих чистых, легких по цвету и беглых по рисунку картинах и акварелях стремился к передаче праздничности бытия. Делал также рисунки для тканей и гобеленов, расписывал керамику, иллюстрировал книги.

³⁶ Явленский Алексей (1864–1941) – один из виднейших мастеров XX в., русский по происхождению, с 1914 г. – в Германии; писал пейзажи и натюрморты, но более всего – изображения голов и лиц, сходных с иконописными. Нацисты считали его искусство «дегенеративным искусством отверженных».

³⁷ Дикс Отто (1891–1969) – немецкий художник, в экспрессионистской форме и в форме гротескного натурализма отобразил ужасы Мировой войны. Писал также портреты. Большое число его работ было уничтожено нацистами в 1938 г.

³⁸ Невинсон Кристофер Ричард Вайн (1889–1946) – английский художник, гравер, литограф. Участвовал в выставках постимпрессионистов и футуристов в 1913 г. Автор известного «Манифеста английского футуризма».

³⁹ Пикабия Фрэнсис (1879–1953) – французский художник-авангардист, живописец, график, писатель. Вначале – импрессионист, тяготевший к Писарро и Сислею, позднее примыкал к кубистам и дадаистам.

чительное наследство, когда в 1925 году умерла его мать. Отец его – из тех викторианских джентльменов, что умели жить весьма комфортно, ничего не делая, – погиб во время пожара в гостинице, в 1907-м. По словам Майры Ливи, он тоже пытался, абсолютно по-дилетантски, заняться коллекционированием картин.

Себе Бресли выбрал самое почетное – и самое обширное – место: над облицованным камнем старым камином в центре комнаты. Огромное полотно – «Охота при луне», – пожалуй, самый знаменитый из шедевров, созданных в Котминэ; именно эту картину Дэвид собирався обсудить подробно, именно ее ему снова хотелось как следует, не торопясь изучить... хотя бы для того, чтобы лишний раз убедиться, что он не переоценивает своего героя. Он даже почувствовал некоторое облегчение оттого, что и при новом с нею знакомстве – он не видел ее в оригинале с той самой «Ретроспективы», а это ведь было четыре года назад – она не только ничего не потеряла в его глазах, но смотрелась гораздо лучше, чем подсказывала ему память и многочисленные репродукции. Здесь, как и во многих других работах Бресли, иконография была совершенно очевидна: в данном случае – «Ночная охота» Уччелло⁴⁰ и размножившиеся за протекшие века ее перепевы; как и многие другие до него, тут художник шел на сознательный риск, как бы требуя неизбежного сравнения; так же было и с его испанскими рисунками, бросавшими вызов великой тени самого Гойи, свидетельствуя о его вечном присутствии и в то же время используя и пародируя его; вот и теперь напоминание о шедевре Уччелло в Музее Ашмола⁴¹ каким-то образом углубляло и давало прочную основу картине, перед которой Дэвид сейчас сидел. Оно усиливало содержательную напряженность картины: за неопределенностью и загадочностью (ни собак, ни лошадей, ни дичи... темные ночные фигуры меж деревьями... название было совершенно необходимо), за явной современностью многих поверхностных деталей ощущались и глубочайшее уважение к старой-престарой традиции, и некоторая насмешка над ней. Нельзя было безоговорочно назвать полотно шедевром: местами краски легли слишком густо – если присмотреться, намеренно грубое *impasto*⁴², вся сцена чуть слишком статична, контрасты тонов слабоваты (но и это, вероятно, из-за живущей в памяти картины Уччелло). И несмотря ни на что, полотно сохраняло значительность, какую-то особую духовность и – хочешь не хочешь, – несомненно, выделялось на фоне всей послевоенной английской живописи. Но может быть, самая главная загадка этой картины заключалась в том, что она, как и все работы этой серии, была создана человеком преклонного возраста. Бресли написал «Охоту при луне» в 1965-м, тогда ему уже стукнуло шестьдесят девять. А ведь с тех пор прошло еще восемь лет.

Тут вдруг, словно для того, чтобы разрешить эту загадку, из сада в дом вошел сам художник – из плоти и крови – и направился к Дэвиду.

– Уильямс, дорогой мой!

Он шел к Дэвиду, протянув для пожатия руку, в голубых брюках, темно-синей рубашке, и – неожиданно яркое напоминание об Оксфорде и Кембридже – в вороте рубашки сверкал шелком красный шейный платок. Совершенно седая голова, но брови гораздо темнее, хотя и в них достаточно седины, нос картошкой, обманчиво строгий рот, припухшие серо-голубые глаза на крепком загорелом лице. Бодр, движения быстрые, будто сознает, что не должен выказывать слабость; он оказался меньше ростом и более подтянут, чем Дэвид мог представить себе по фотографиям.

– Быть здесь, в вашем доме, – большая честь для меня, сэра.

---

⁴⁰ Уччелло Паоло ди Доно (1397–1475) – флорентийский художник, резчик, создатель мозаик, один из творцов ренессансного стиля в живописи. Значительно развил учение о перспективе. Сочетал перспективные поиски нового с любовью к старому, готическому искусству, погружаясь порой в мир фантазии.

⁴¹ Музей и библиотека древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете в Англии. Основан в 1683 г. Элиасом Ашмолом.

⁴² Прием в живописи, когда краска кладется густыми слоями.

– Бросьте, бросьте! Все это – чушь. – Старик сжал Дэвиду локоть: улыбка и вопрос в светлых глазах под кустистыми бровями, снежно-белая прядь надо лбом, выражение лица пытливого и замкнутого одновременно. – О вас позаботились?

– Да. Все великолепно.

– Надеюсь, Мышь вас никак не огорчила? Она малость не в себе. – Старик стоял – руки на бедрах, – стремясь показать, что он молод и бодр, почти ровесник Дэвиду. – Воображает, что она Лиззи Сиддал. А я, получается, тот паршивый хлюпик-итальяшка... чертовски оскорбительно, а? Нет?

Дэвид рассмеялся:

– Я вроде бы заметил что-то...

Бресли поднял взгляд к потолку:

– Дорогой мой, вы не можете себе представить. До сих пор. Девчонки этого возраста. Ну, а как насчет чая? Да? Мы пьем чай в саду.

Они направились к двери в сад, и, проходя мимо, Дэвид указал на «Охоту при луне».

– Замечательно, что я снова ее вижу. Дай бог, чтобы в типографии с репродукцией не подкачали.

Бресли пожал плечами, словно его это несколько не заботило, а может, и правда был безразличен к столь явной лести. Потом снова бросил на Дэвида пытливый взгляд:

– Ну а вы? Я слышал, вы не такой уж пирожок с ничем, а?

– Ну что вы!

– Читал ваш опус. Про тех, о ком вы там пишете, я и слыхом не слыхал. Здорово написали.

– Но вы со мной не согласны?

Бресли взял его под руку.

– Милый юноша, я ведь не ученый. Невежда в таких вещах, которые вы наверняка с детства, как мамкину титьку, знали. Вы просто удивитесь. Что поделаешь... Придется принимать меня таким, как есть, а? Нет?

Они вышли в сад. Девушка по прозвищу Мышь, по-прежнему босая и в белом арабском одеянии, прошла наискось через лужайку от дальнего конца дома. Она несла поднос с чашками и чайником и не обратила на мужчин никакого внимания.

– Ну, вот, что я говорил? – проворчал Бресли. – Задница ремня просит.

Дэвид подавил смешок. Подойдя к столу под катальпой, он заметил и вторую девушку: она поднялась с травы в той стороне лужайки, что была скрыта от дома кустами. Она, должно быть, все это время читала; теперь она двинулась им навстречу, с книгой в руке; на траве за нею он увидел шляпу с красной перевязью. Если Мышь казалась странной, эта особа выглядела просто нелепо. Еще ниже ростом, очень худая; заостренное личико под шапкой мелко завитых, крашенных хной красно-рыжих волос. Ее уступка девичьей скромности сводилась к тому, что она надела на себя мужскую или, по виду, скорее мальчишечью майку, выкрашенную в черный цвет. Майка едва – с большой натяжкой – прикрывала ей чресла. Веки она тоже накрасила черным. Она походила на тряпичную куклу: этакий невзрачный голливуд⁴³, с того конца Кингз-роуд, что пошире⁴⁴.

– Это Энн, – сказала Мышь.

– По прозванию Уродка, – добавил Бресли.

Бресли жестом пригласил Дэвида сесть рядом. Дэвид замешкался – ведь одного кресла не хватало, но Уродка довольно неуклюже опустила на траву возле кресла подруги. Из-под

---

⁴³ «Крупная (тряпичная, плоская. – И. В.) кукла мужского пола, в малиновых панталонах и голубом фраке, с черным лицом, широкими губами из красной байки и двумя бельевыми пуговицами вместо глаз». (В. Набоков «Другие берега».)

⁴⁴ Наиболее удаленная от центра Лондона часть улицы Кингз-роуд, где обычно собирались хиппи, наркоманы, проститутки.

черной майки показались во всей красе ярко-красные трусики. Мышь принялась разливать чай.

– Впервые в этих краях, Уильямс?

Вопрос давал Дэвиду возможность достойно вступить в беседу, тем более что его энтузиазм по поводу Бретани и ее ландшафтов был вполне искренним. Старик, казалось, был вполне доволен: он принялся рассказывать о своем доме, о его истории и о том, как он его отыскал; объяснил, почему решил покинуть Париж. Он с честью опровергал прилипшую к нему репутацию старого негодника: казалось, ему доставляет удовольствие принимать у себя в доме и иметь в качестве собеседника мужчину. Старик сидел, отвернувшись от двух девиц, совершенно не обращая на них внимания, и у Дэвида возникло и все более укреплялось ощущение, что им неприятно его присутствие – то ли из-за того, что он отвлекает от них внимание старика, то ли из-за официальной атмосферы, которую он привнес своим появлением, а может, и потому, что они уже назубок знали все, о чем старик сейчас рассказывал. Бресли отвлекся – опять-таки опровергая свою репутацию – на описание пейзажей Уэльса, заговорил о своем детстве и юности – до 1914 года. Дэвид знал, что мать Бресли – валлийка, знал и о том периоде во время войны, когда художник жил в Брекнокшире⁴⁵, но и подумать не мог, что старик сохранил не только память об этом суровом крае, но и любовь к нему и до сих пор тоскует по его холмам.

Речь Бресли была странной: скачущие интонации – то самоуверенные, то нерешительные; говорил он отрывисто, используя давно исчезнувшие из обихода словечки и перемежая фразы непристойностями; никакой интеллектуальности или тонкости понимания тут углядеть было невозможно: говорит как какой-нибудь эксцентричный адмирал в отставке, – скрывающая усмешку, подумал Дэвид. Просто дух захватывало от неуместности этого устаревшего жаргона, когда-то свойственного британским высшим кругам, в устах человека, всю жизнь яростно отвергавшего все, что эти самые высшие круги столь же яростно отстаивали. И столь же неуместной выглядела седая прядь, наискось зачесанная на лоб: видимо, старик с юности сохранил прическу, от которой – после Гитлера – напрочь отказались люди помоложе. Она придавала ему мальчишеский вид, но желчное от природы, красноватое лицо и светлые, выцветшие глаза заставляли предполагать, что он гораздо старше и опаснее, чем выглядит. Было совершенно очевидно, что старый чудак хочет казаться намного добродушнее и глупее, чем на самом деле, понимая при этом, что провести никого не удастся.

И все же, если бы только девицы не молчали так упорно – Уродка даже потянулась за книгой и, опершись спиной о кресло подруги, снова взялась читать, – Дэвид чувствовал бы себя вполне в своей тарелке. Мышь, очень элегантная в белом арабском одеянии, сидела и слушала с таким видом, будто мысли ее бродили где-то далеко, – она словно сошла с одного из полотен Милле⁴⁶. Если Дэвиду удавалось встретить ее взгляд, на ее миловидной физиономии появлялось некое подобие внимания: мол, я тут, с вами, отчего становилось только яснее, что это вовсе не так. Любопытство его росло: что же все-таки происходит здесь на самом деле, какая правда кроется за этой видимостью? Отправляясь в Котминэ, Дэвид не был к этому подготовлен: из слов издателя он заключил, что теперь старик живет в полном одиночестве, если не считать старой экономки-француженки. Атмосфера во время чаепития была совершенно семейная: отец и две молоденькие дочери. Только однажды старый лев показал когти.

Дэвид заговорил о Пизанелло, считая эту тему вполне безопасной, и о фресках, недавно обнаруженных в Мантуе. Бресли видел их в репродукциях, так что впечатления, как говорится, из первых уст его, похоже, по-настоящему заинтересовали; и хотя Дэвид не принял всерьез его предупреждение, старик, как оказалось, совершенно не разбирался в сложностях фресковой

---

⁴⁵ Графство в Уэльсе, главный город – Брекон, в самом центре Уэльса.

⁴⁶ Милле Джон Эверетт (1829–1896) – английский художник, один из создателей (вместе с Данте Габриэлем Росетти) кружка прерафаэлитов, но затем, по мере того как рос его успех, отошедший от них. Славился своими пейзажами, портретами, семейными группами в типично викторианском стиле.

техники. Но как толь ко Дэвид завел речь об *arriccio, intonaco, sinopie*⁴⁷ и прочих тонкостях, Бресли прервал его возгласом:

– Уродка, детка моя, ради бога, брось эту хреновую книжицу и слушай.

Она подняла глаза, опустила растрепанную книжку и сложила руки на груди:

– Извиняюсь.

Извинение было обращено к Дэвиду – старика она вниманием не удостоила, – и в ее тоне слышалась нескрываемая скука: ты зануда, и все, что ты говоришь, – тоска зеленая, но раз он настаивает...

– А если уж ты произносишь это слово, то, ради всего святого, измени тон.

– А мы что, тоже участвуем? Не заметила.

– Херня.

– Да я и так слушала.

Девушка говорила с легким призывком кокни⁴⁸, устало, грубовато.

– И не груби, черт бы тебя взял совсем.

– Нет, слушала.

– Херня.

Она состроила гримаску и взглянула на Мышь.

– Генри-и!

Дэвид улыбнулся:

– А что это за книга?

– Милый юноша, не лезьте не в свое дело. Будьте так любезны. – Старик наклонился вперед и погрозил девушке пальцем. – А теперь хватит. Поучись хоть чему-нибудь.

– Хорошо, Генри.

– Дорогой мой, простите нас, пожалуйста. Прошу вас, продолжайте.

Этот небольшой инцидент вызвал неожиданную реакцию со стороны Мыши. За спиной Генри она едва заметно кивнула Дэвиду; непонятно было, то ли она хотела сказать, что все это – совершенно нормально, то ли – чтобы он поскорее продолжил свой рассказ, прежде чем разразится полновесный скандал. Когда он заговорил снова, у него создалось впечатление, что она слушает с несколько большим интересом, чем раньше. Она даже задала какой-то вопрос – совершенно очевидно, она кое-что знала о Пизанелло. Должно быть, старик ей рассказывал.

Немного погодя Бресли поднялся с кресла и предложил Дэвиду пойти посмотреть его мастерскую в одном из строений позади сада. Девушки не тронулись с места. Выходя из сада сквозь высокую арку в стене следом за Бресли, Дэвид оглянулся и увидел, как тоненькая загорелая фигурка в черной майке потянулась за книгой: девушка снова принялась читать. Шагая по усыпанному гравием двору к протянувшимся по левую руку от них строениям, старик подмигнул Дэвиду:

– Вечно одно и то же. Только затащи вот таких молоденьких сучонок к себе в постель. Утрапишь всякое чувство пропорции.

– Они – студентки?

– Мышь – да. А кем себя считает другая – бог ее знает.

Однако Бресли явно не желал о них разговаривать, словно они – всего лишь мотыльки, слетевшиеся на огонек свечи, всего лишь две высокой пробы фанатки, поклонницы его таланта. Он принялся описывать, какие изменения пришлось тут сделать, как все перестроить и что тут было раньше. Они прошли в открытую дверь главной студии – в бывший амбар, верхние помещения которого пришлось снести. Длинный стол, заваленный этюдами, набросками, листами

---

⁴⁷ Нанесение грунта, сырая штукатурка, охра (*um.*).

⁴⁸ Кокни – лондонское просторечие, для которого характерны неправильное произношение, особая лексика и грамматика; так же называют коренных лондонцев из Ист-Энда, крупнейшего портового и промышленного района города.

бумаги, стоял перед широким новым окном, глядящим на север, на усыпанный гравием двор; столик с красками и кистями, знакомые запахи, знакомые атрибуты профессии и в дальнем конце – главенствующая надо всем здесь новая картина из серии Котминэ, уже почти законченная: огромное полотно – двенадцать футов на шесть – на специально сбитом станке, а перед ним – передвижные лесенки, чтобы можно было доставать до верха картины. И снова – сцена в лесу, но теперь уже с поляной в центре, и людей здесь гораздо больше, чем обычно; чувство, что все происходит как бы под водой, ощущается гораздо слабее, и надо всей сценой простерт небосклон первоклассного синего, почти черного цвета: можно было подумать, что все происходит ночью, но можно – что и днем; что на поляне царит зной или что начинается буря; ощущалась тревога, некая опасность, грозящая этим людям. На этот раз здесь чувствовались (но ведь Дэвид уже привык искать нечто подобное в его картинах) мотивы Брейгелей⁴⁹, может быть, и перепев самого себя – «Охоты при луне», висевшей в гостиной. Дэвид спросил с улыбкой:

– Ключ не предложите?

– Праздник в лесу? Может быть. Не решил еще. – Старик вглядывался в картину. – Кокетничает со мной, ускользает. Ждет своего часа.

– Мне кажется – очень хороша. Даже сейчас.

– Вот зачем мне женщины рядом нужны. Чувство ритма. Циклы у них и все такое. Знаешь, когда надо пере стать работать. А в этой игре девять десятых от ритма зависит. – Он взглянул на Дэвида. – Да вы и сами знаете. Вы же – художник, а? Нет?

Дэвид набрал побольше воздуха в легкие и бросился очертя голову, как на коньках по тонкому льду, объяснять, что, работая в одной студии с Бет, которая тоже художник, он прекрасно понимает, что Бресли имеет в виду. Старик развел открытые ладони – ну вот, видите – и, явно удовлетворенный, не стал расспрашивать Дэвида о его работах. Отвернулся и уселся на табурет у рабочего стола перед окном, потом протянул Дэвиду натюрморт – рисунок карандашом: полевые цветы – чертополох и ворсянка, в беспорядке разбросанные на столе. Рисунок поражал точностью изображения, хоть, может, и грешил некоторой безжизненностью.

– Мышь. Начинает обретать почерк, вам не кажется?

– Прекрасная линия.

Бресли мотнул головой в сторону огромной картины:

– Разрешаю ей помогать. Черновую работу.

– На этом полотне... – пробормотал Дэвид.

– Способная девочка, Уильямс. Не заблуждайтесь на ее счет. И не вздумайте над ней подсмеиваться. – Старик пристально смотрел на рисунок. – Заслуживает лучшего. – Он помолчал. Потом добавил: – Без нее ничего и не смог бы. Право.

– Уверен, она многому может у вас научиться.

– Знаю, что обо мне говорят. Старый распутник и всякое такое. В моем-то возрасте...

Дэвид улыбнулся:

– Больше не говорят.

Но Бресли вроде бы и не слышал.

– А я кладу на это все с прибором. И раньше клал. Если в их духе выразаться.

И он принялся рассуждать о возрасте, снова повернулся к картине; Дэвид стоял рядом, пристально вглядываясь в полотно; старик говорил о том, что воображение, способность постигать и замысливать новое с возрастом не атрофируются, вопреки тому, что ты сам предпола-

---

⁴⁹ Брейгель Старший Питер (Мужицкий) (ок. 1525/30–1569) – великий нидерландский художник, в чьем творчестве фольклорные и философские образы сочетались с фантастическим гротеском. Брейгель Младший Питер (Адский) (1564–1638) – сын Питера Брейгеля Старшего, нидерландский художник, многократно копировавший работы отца, писал сцены деревенской жизни, а также фантастические видения пылающего ада. Брейгель Бархатный Ян (1568–1625) – сын Питера Брейгеля Старшего, нидерландский художник, писал декоративные пейзажи, цветы и животных, а также жанровые сцены в миниатюрной технике.

гал в молодости. Уходят лишь физические силы, психологическая твердость – как утрачивает твердость и твой бедный старый... дружок, которому, как и тебе, становится все труднее осуществлять задуманное. Нуждаешься в посторонней помощи. – Казалось, ему стыдно, что приходится признаваться в этом. – «Отцелюбие римлянки»⁵⁰. Знаете эту вещь? Молодая бабенка кормит грудью старого пердуна. Часто об этом думаю.

– Не думаю, что это идет на пользу лишь одной из сторон, как предполагаете вы. – Дэвид указал на рисунок с цветами. – Вы бы видели, какое художественное образование молодежь в Англии сейчас получает.

– Вы думаете?

– Уверен. Большинство даже рисовать не умеет.

Бресли пригладил седую шевелюру; вид у него снова был совершенно мальчишеский, трогательно неуверенный. И Дэвид почувствовал, что поддается обаянию этого застенчивого и все же открытого человека, прячущегося за грубостью языка и внешних манер, человека, видимо решившего ему довериться.

– Надо бы ее гнать отсюда. Духу не хватает.

– Разве не ей решать?

– А она вам ничего не говорила? Когда вы приехали?

– Она прекрасно сыграла роль ангела-хранителя.

– Показала себя, стало быть.

Это было сказано довольно мрачно, с какой-то сардонической усмешкой и осталось без объяснения: старик неожиданно встал, снова бодрый и энергичный, и мельком, как бы извиняясь, коснулся руки Дэвида.

– Да к черту все это. Приехали мне допрос третьей степени устроить, а? Нет?

Дэвид попросил рассказать о подготовительных стадиях работы над картиной.

– Метод проб и ошибок. Много рисую. Вот, смотрите.

Он подвел Дэвида к противоположному концу стола. Рабочие наброски, этюды, рисунки – все это он показывал с той же странной смесью самоуверенности и застенчивости, с какой рассказывал о Мыши, словно боялся критики и в то же время подозревал, что ее не будет.

Похоже было, что новая картина зародилась из весьма смутного воспоминания о раннем детстве, о посещении какой-то ярмарки – он не помнил, где именно; ему было лет пять или шесть, и он с нетерпением ждал этого праздника; это было острейшее переживание, необычайное удовольствие; и теперь еще ему помнилось непреодолимое стремление ребенка – даже в воспоминании, казалось, все еще дышит тогдашнее вожделение – зайти в каждую палатку, подойти к каждому ларьку, все увидеть, все попробовать. И вдруг – гроза, которая, скорее всего, не была неожиданностью для взрослых, но ребенка почему-то удивила и потрясла до глубины души, принесла жесточайшее разочарование. Тема ярмарки, ее внешние атрибуты, постепенно исчезала из набросков, представленных во множестве вариантов и гораздо тщательнее разработанных, чем ожидал Дэвид, и в конце концов оказалась совершенно изгнанной из окончательного «имаго»⁵¹. Впечатление создавалось такое, будто медленно и постепенно, выстраивая одну композицию за другой и постоянно совершенствуясь, художник освобождается от неуклюжего буквализма – концептуального коррелята языка, каким он изъясняется в жизни, – уходит прочь от дословности. Но рассказ его объяснил странную наполненность, сияющую загадочность центральной сцены. Метафизические параллели, сгустки света, словно малые планеты, летящие – каждая – в своей не имеющей предела ночной тьме, и тому подоб-

---

⁵⁰ Известная картина Рубенса, сюжет которой основан на легенде о молодой римлянке, кормившей грудью заключенного в темницу отца, чтобы спасти его от смерти. Находится в Эрмитаже.

⁵¹ Взрослая стадия развития вылупившейся из кокона бабочки.

ные детали были, пожалуй, чуть слишком очевидны, чуть слишком отдавали «Олимпией»⁵². Проще говоря, здесь было что-то от пессимистических банальностей о положении и судьбах человечества. Но тон картины, ее настроение, сила и выразительность, с какими был изложен сюжет, оказались необычайно убедительны, несли в себе нечто такое, что сводило на нет всегдашнее предубеждение Дэвида против откровенно литературных сюжетов в живописи.

Беседа захватывала все новые и новые темы. Дэвиду удалось разговорить старика о его прошлом, о его жизни во Франции в двадцатые годы, о дружбе с Браком⁵³ и Мэтью Смитом. О преклонении Бресли перед Браком писали довольно много, но старик явно жаждал убедиться, что Дэвиду об этом известно. Разница между Браком и такими художниками, как Пикассо, Матисс и «вся эта шайка-лейка», заключалась, по его мнению, в том, что Брак был великий человек, а другие – всего лишь «великие мальчишки».

– Они и сами это понимали. И он понимал. Все всё понимали. Только весь остальной мир ни фи́га не понял.

Дэвид не спорил. Бресли произносил имя Пикассо так, что по-английски получалось что-то вроде «катись в зад»⁵⁴. Но в целом непристойности в его речи пошли на убыль. Нелепая маска человека невежественного сдвинулась, из-под нее проглянуло истинное лицо старого космополита. Дэвид вдруг заподозрил, что тигр-то – бумажный или, во всяком случае, что он имеет дело с человеком, по-прежнему живущим в мире, существовавшем еще до его, Дэвида, рождения. Редкие вспышки прежней агрессивности порождались смехотворно устаревшими представлениями о том, что должно шокировать человека, что именно может на него подействовать, как красная тряпка на быка; перевернув метафору, можно было бы сказать, что сам Дэвид выступал сейчас в роли матадора, сражающегося со слепым быком. Только самонадеянный кретин мог угодить такому быку на рога.

Незадолго до шести они направились назад, к дому. Девушки опять куда-то скрылись. Бресли провел Дэвида в комнату первого этажа – показать висевшие там картины. О каждой ему было что рассказать, восхищенные оценки его не допускали возражений. Один из прославленных художников получил черный шар за излишнюю гладкость:

– Уж больно легок, черт бы его взял совсем. По дюжине картин в день пишет, знаете ли. Ленив до мозга костей. Это-то его и спасло. Тонкости – ни хрена.

А на вопрос о том, чего он искал в картинах, когда их покупал, старик опять ответил вполне откровенно:

– В какие ценности деньги вкладывать, милый юноша. Подстраховывался. Никогда не думал, что мои вещи могут чего-то стоить. Ну, а чья, на ваш взгляд, вот эта штука?

Они остановились перед небольшим натюрмортом с цветами, который Дэвид, не безоговорочно, приписал Матиссу. Дэвид покачал головой.

– С тех пор только и писал одну дребедень.

В устах Бресли это никак не могло служить подсказкой.

– Тут я пас.

– Мир⁵⁵. Тысяча девятьсот пятнадцатый.

– Боже милостивый!

– Печально.

⁵² Большой выставочный зал в западной части Лондона, где проводятся крупные ежегодные выставки. Построен в 1866 г.

⁵³ Брак Жорж (1882–1963) – знаменитый французский художник. С 1905 г. писал пейзажи в духе фовизма; с 1908 г. обращение к опыту П. Сезанна делает его (наряду с П. Пикассо) основателем кубизма. После 1917 г. постепенно отходит от кубизма и пишет более разнообразные по цвету полотна – натюрморты, пейзажи, картины с человеческими фигурами, где линия обретает почти орнаментальную гибкость. Работал также как график, скульптор и театральный художник.

⁵⁴ «Pick-arse-hole» (англ.) – букв.: «поковыряй в заднице».

⁵⁵ Миро Хоан (1893–1983) – испанский художник, скульптор, график. С 1923 г. – один из ведущих сюрреалистов мирового искусства. Во многих работах с утонченным декоративизмом имитирует наивность детского рисунка.

И старик покачал головой, словно стоял над могилой человека, погибшего в расцвете лет. Были здесь и другие маленькие шедевры, авторов которых Дэвид так и не смог определить: Серюзе⁵⁶, замечательный пейзаж Филижера⁵⁷ – в духе Гогена... Но когда они подошли к противоположному концу комнаты, Бресли отворил дверь:

– А вот здесь у меня художник куда важнее прочих, Уильямс. Увидите. Вечером, за обедом.

Дверь вела в кухню: седовласый человек с худым, длинным лицом и впалыми щеками сидел у стола и чистил овощи; стоявшая у современной плиты пожилая женщина с улыбкой обернулась к вошедшим. Старик познакомил с ними Дэвида: Жан-Пьер и Матильда, они управляют и в доме, и в саду. Тут же оказалась и огромная овчарка, вскочившая было при их появлении, но Жан-Пьер ее успокоил. Пса звали Макмиллан, но по-французски это имя прозвучало «Макмийон» – рифмуется с «Вийон»⁵⁸, пояснил Бресли с усмешкой: пес ведь такой же самозванец, а? Нет?

Впервые старик заговорил по-французски, странно изменившимся голосом, совершенно свободно и, на взгляд Дэвида, без малейшего акцента, как истый француз; может быть, как раз английский теперь и стал для него языком по-настоящему иностранным. Он разобрал, что обсуждается обеденное меню. Бресли приподнимал крышки кастрюль, стоявших на плите, принимаясь, будто дежурный офицер в полковой столовой. Потом на столе появилась и была внимательно обследована щука; Жан-Пьер рассказал какую-то историю, как понял Дэвид, о том, что щуку он поймал сегодня, совсем недавно, пес был с ним и пытался атаковать рыбину, когда та оказалась на берегу. Бресли наклонился и погрозил псу пальцем: побереги зубы для воров; и Дэвид порадовался своему везенью – ведь он приехал в Котминэ, когда пес отсутствовал. У него создалось впечатление, что их вечернее посещение кухни было чем-то вроде ритуала. Ее домашняя атмосфера, простая, дружелюбная обстановка, пожилая и такая мирная чета французов составляли умиротворяющий контраст чуть заметному привкусу порочности, который придавало его визиту присутствие двух девиц.

Вернувшись в гостиную, Бресли посоветовал Дэвиду располагаться и чувствовать себя как дома. А ему нужно написать несколько писем. Они снова встретятся здесь же в половине восьмого, за аперитивом.

– Надеюсь, церемонии у вас тут не очень строго соблюдаются?

– У нас тут – «Фридом-Хаус»⁵⁹, дорогой мой. Хоть нагишом приходите, если захочется. – Он подмигнул. – Девчонки только рады будут.

Дэвид ухмыльнулся в ответ:

– Идет.

Старик помахал ему рукой и направился к лестнице. На полпути он вдруг остановился и произнес:

– Свет клином не сошелся на голых-то титьках, а? Нет?

На всякий случай переждав пару минут, Дэвид тоже отправился наверх. Устроился в шезлонге – кое-что записать. Жаль, нельзя было прямо цитировать старика, но первые два часа визита оказались очень плодотворными; похоже, что и дальше будет не хуже. Немного погодя он прилег на кровать, заложив руки за голову, и уставился в потолок. Было очень тепло

---

⁵⁶ Серюзе Поль (1864–1927) – французский художник, поклонник и пропагандист искусства Гогена; его стиль – «живописный символизм», передача эмоций и символов через соотношение форм. Автор крупных теоретических работ.

⁵⁷ Филижер Шарль (1863–1928) – художник-швейцарец, родом из Эльзаса; затворник и религиозный мистик; в живописных работах близок по духу Морису Дени (1870–1943); испытывал также сильное влияние Гогена, близким другом которого был.

⁵⁸ Вийон Франсуа (1431–1463) – известнейший средневековый поэт Франции, принявший фамилию своего воспитателя – капеллана Вийона.

⁵⁹ «Freedom House» – «Дом свободы» (англ.) – международная правозащитная организация.

и душно, хоть он и распахнул ставни. Странно, он испытывал легкое разочарование от встречи с Бресли, будто тот не оправдал каких-то его личных надежд: слишком много позы и старческого притворства для такого конечного результата, слишком велик диссонанс между личностью этого человека и его картинами, и, вопреки всякой логике – ведь Дэвид сам стремился избежать разговоров на эту тему, – слегка щемила обида, что старик ничего не спросил о его собственных работах. Абсурд – видимо, просто реакция на всепоглощающую мономанию старого чудака, но ведь тут была еще и зависть... Такой великолепный старый дом, замечательно оборудованная студия, коллекция картин, чуть непристойная двусмысленность царящей здесь атмосферы – после пресной предсказуемости старушки Бет и дочурок там, дома; отстраненность и отстраненность, удивительные всплески откровенности, патина времени... бьющее в глаза плодородие сельского края, целый день – сады, полные зреющих яблок.

Но он несправедлив к Бет: она-то как раз повела себя гораздо более разумно, чем он в этом их сумасшедшем разговоре в понедельник, в последний момент перед отъездом, когда ветрянка Сэнди подтвердилась. Теща уже переехала к ним побыть с девочками, пока родителей нет, и, несомненно, прекрасно справилась бы одна... Она согласилась на это весьма охотно и в споре встала на сторону Дэвида. Все дело было в ментальности Бет: мучили угрызения совести, бывшее упрямство и, как он подозревал, чувство вины, оставшееся от кратковременного бунта против тирании детей вскоре после рождения Луизы. Даже если не будет осложнений, она не сможет быть спокойной, ничего не зная о девочке, утверждала Бет, но Дэвид должен ехать – в конце концов, это ведь его работа. А поездка на неделю в Ардеш, куда они планировали отправиться из Бретани, может еще состояться. В конце концов они помирились – уже в понедельник вечером, когда он отправлялся в Саутгемптон, – на том, что, если в четверг в Котминэ не придет телеграмма, отменяющая поездку, Бет прилетит в Париж на следующий день, в пятницу. Он выбежал из дома перед самым отъездом, купил билет на самолет и вместе с билетом принес ей цветы и бутылку шампанского. Чем заработал у тещи еще одну оценку «отлично». Сама же Бет приняла это гораздо холоднее. Поначалу, в отчаянии от провала их планов, он слишком явно поставил свою нелюбовь к поездкам в одиночку, а особенно по такому поводу, как эта, выше родительских чувств и материнской ответственности. Но ее последние слова были: «Я прощу тебя в Париже».

Дверь у самой лестничной площадки, за которой скрылся Бресли, на мгновение приоткрылась, и Дэвид услышал звуки музыки – радио или проигрыватель – похоже, Вивальди. Он чувствовал себя здесь гостем, существом второстепенным и не очень желанным. Снова мысли его вернулись к тем двум девушкам. Разумеется, никого не должно шокировать, что они спят со стариком или что там еще они с ним делают: что можно вообще делать со стариками в таких случаях? Скорее всего, их услуги неплохо оплачиваются – и буквально, и фигурально; они наверняка знают, какую цену теперь дают за его работы, не говоря уж о том, в какую сумму оценят его коллекцию на аукционе. Присутствие девиц Дэвида как-то странно и неотступно раздражало. Они, разумеется, преследуют определенную цель, используя слабости старого художника. И в то же время играют роль ширмы. Дэвид чувствовал – здесь кроется какая-то тайна, и они не допустят, чтобы он ее разгадал.

Жаль, что Бет не приехала. Она гораздо меньше боится обидеть кого-нибудь, она резче, прямее, чем он, и ей, конечно, удалось бы вызнать у девиц гораздо больше, чем это сможет сделать он сам.

Хорошо, что он все-таки решил к обеду немного приодеться: джинсовый костюм, сорочка, шейный платок. Внизу Мышь – в мягкой кремовой блузке с высоким воротом и длинной красно-коричневой юбке – накрывала на стол. Массивный, темного дерева, он стоял в дальнем конце гостиной. Уже горели лампы – за окнами сгущались сумерки. У камина, над спинкой дивана, виднелась седая голова Бресли, а пройдя дальше в глубь комнаты, Дэвид раз-

глядел прислонившуюся к его плечу мелко завитую головку Уродки. Девушка сидела откинувшись на спинку дивана, положив ноги на табурет, и, раскрыв французский журнал, что-то читала вслух. На ней было черное атласное платье с открытыми плечами и пышной, с оборками, юбкой; в покрое платья было что-то испанское. Одной рукой старик обнимал девушку за плечи; его ладонь, пробравшись под тонкую ткань, лежала у нее на груди. Заметив Дэвида, он и не подумал убрать ладонь, лишь указал свободной рукой в ту сторону, где хлопотала Мышь, и произнес:

– Возьмите чего-нибудь выпить, мой милый.

Он тоже переоделся: светлый летний костюм, белоснежная сорочка, лиловый галстук-бабочка. Девушка повернула к Дэвиду голову, взглянула искоса – угольно-черные глаза, ярко-красный рот, гримаска вместо улыбки – и принялась медленно переводить только что прочитанное на английский. Дэвид улыбнулся, на миг неловко замешкавшись, и прошел в конец комнаты, где вокруг стола хлопотала Мышь. Она подняла к нему спокойный взгляд:

– Что будете пить?

– То же, что и вы.

– Нуайи-Пра?

– Чудесно.

Она прошла к старинному, резного дерева буфету у самой двери в кухню: бокалы, батарея бутылок, чаша с кусочками льда.

– Лимон?

– Пожалуйста.

Дэвид стоял с бокалом и смотрел, как она наполняет такой же для себя: вермут, какой-то шипучий фруктовый напиток и, наконец, виски... Она делала это осторожно, тщательно все отмеряя, даже приподняла бокал и приложила два пальца – точно ли дозировка, и только потом добавила такую же порцию содовой. Ее блузка цвета старых кружев, из такой ажурной ткани, что местами просвечивала смуглая кожа, была с длинными рукавами, очень узкими на запястьях, с высоким воротом, в эдвардианском стиле⁶⁰; наряд достаточно строгий и скромный, если не считать того, что, как он очень скоро разглядел, под ним ничего больше не было. Пока она готовила коктейль, он смотрел на ее профиль – спокойное, умиротворенное лицо. Движения ловкие, уверенные: исполняет привычные обязанности хозяйки дома. Интересно, зачем старику надо было ее высмеивать? В конце концов, не так уж трудно отличить хороший вкус и ум от глупости. И ничего от прерафаэлитов в ней теперь не было: просто довольно привлекательная девчонка, вполне современная, к тому же... и общаться с ней гораздо легче, чем с той сексуальной куклой, что сидит на диване и снова читает по-французски. Время от времени старик поправлял ее произношение, а она послушно повторяла слово за ним. Мышь отнесла им наполненные бокалы и вернулась к терпеливо ждавшему ее Дэвиду. Он подал ей ее бокал и вдруг встретил прямой и открытый взгляд спокойных глаз; ощущение было такое, будто она прочла его мысли. Потом она подняла бокал в знак приветствия и поднесла к губам. Подперла локоть другой рукой. И наконец-то улыбнулась.

– Мы хорошо себя вели?

– Лучше не бывает. Очень помогли беседе.

– Не надо его торопить.

Дэвид широко улыбнулся. Совершенно определенно, она начинала ему нравиться. Тонкие, абсолютно правильные черты, лицо прекрасных пропорций, прелестный рот, а глаза – ясные, сине-серые, особенно яркие на фоне загара – утратили отсутствующее выражение, так смущавшее Дэвида днем. Они были теперь чуть подкрашены – от этого их едва заметная сла-

---

⁶⁰ Стиль времен короля Эдуарда VII (правил 1901–1910), характеризовавшийся отходом от строгих нравов эпохи правления королевы Виктории (правила 1837–1901).

вянская продолговатость стала более выраженной, и особенно по душе ему пришлось прямота ее взгляда. Одна из его теорий рассыпалась в прах. Трудно было поверить, что девушки действительно эксплуатируют старика, ища материальной выгоды.

– Он показал мне один ваш рисунок. Ворсянки? Производит впечатление.

Она потупилась, принялась рассматривать свой бокал, замешательство было чуть нарочитым, потом снова посмотрела ему прямо в глаза:

– А мне понравилась ваша выставка в галерее Редферна прошлой осенью.

Он почти не притворялся, когда удивленно вскинул голову, – она снова ему улыбнулась.

– А я и не знал.

– Я даже и второй раз туда съездила.

– Откуда? – спросил он.

– Из Лидса⁶¹. Я тогда к защите диссертации готовилась. По искусствоведению. Потом – два семестра в Королевском художественном колледже.

Дэвид был поражен:

– Бог ты мой, зачем же вы...

– Здесь я узнаю гораздо больше.

Он опустил глаза; разумеется, это не его дело; но ему все же удалось высказаться в том духе, что, мол, если и так, докторантурой в КХК, куда отбор невероятно строг, так легко не бросаются.

– Да нет, я не жалею. Генри понимает, как ему повезло, что я тут.

Она произнесла эти слова с улыбкой, но без всякой иронии или тщеславия и понравилась Дэвиду еще больше. Девушка пояснила, кто она и что, и тотчас же обрела в его глазах достоинство, ее нельзя было не принимать всерьез. Совершенно очевидно, что поначалу он здорово опростоволохился; ясно, что его умело разыграли по приезду. Теперь он понял, какую – весьма реальную – помощь оказывала она старику в студии, и предположил, что сексуальные услуги предоставляла ему лишь та, другая.

– Новая картина просто замечательна. Не могу понять, как ему удается до сих пор выдавать такое.

– Просто он всегда занят собой. Главным образом.

– Именно этому вы здесь и учитесь?

– Учусь видеть.

– Он сказал, что очень вам благодарен.

– На самом деле он – как ребенок. Ему нужна игрушка. Чья-то привязанность. Чтобы он мог разбить ее вдребезги.

– Но ваша пока цела?

Она пожала плечами.

– Приходится ему немножко подыгрывать. Притворяться, что нас пугает и восхищает его ужасная репутация. Владельца гарема.

Дэвид улыбнулся и отвел глаза.

– Признаюсь, мне было интересно, что в реальности кроется за всем этим.

– Человеку, который перед вами сюда приезжал, в первые же десять минут было доложено, что каждую из нас он взял трижды за прошедшую ночь. И пусть на вашем лице не появится и тени сомнения. На этот счет.

Он рассмеялся:

– Идет.

– Он понимает, что ему никто не верит. Но дело не в этом.

---

⁶¹ Большой индустриальный город на западе графства Йоркшир. Факультет изящных искусств Лидского университета пользуется широкой известностью.

– Ясно.

Она пригубила коктейль.

– И – чтобы не оставалось иллюзий – Энн и я, мы обе не отказываем ему в том немногом, на что он еще способен.

Она смотрела ему прямо в глаза. За прямоотой и откровенностью крылась готовность предостеречь, не допустить чего-то. Оба одновременно потупились; Дэвид скользнул взглядом по обнаженной под блузкой груди и отвел глаза. Казалось, Мыши совершенно не свойственно кокетство, нет и следа неприкрытой сексуальности ее подруги. Самообладание этой девушки было столь неколебимо, что ее привлекательность, ее постоянная, чуть прикрытая нагота как бы утрачивали свое значение; оно же и тревожило, не давая об этом забыть.

А Мышь продолжала:

– Он совершенно не умеет выражать свои мысли словами. Вы и сами заметили. Только отчасти из-за того, что долго прожил за границей. Корни гораздо глубже. Ему надо видеть и ощущать. Буквально. Сень девушек в цвету его не устраивает⁶².

– Только теперь начинаю понимать, как ему повезло.

– Это лишь приходная графа.

– Это я тоже понял.

Она украдкой глянула в ту сторону, где расположился старый художник, потом – снова на Дэвида:

– Если он начнет говорить гадости, не трусьте. Не сдавайте позиций, он этого терпеть не может. Стойте на своем. Не теряйте выдержки. – Она улыбнулась. – Простите. За тон все знающей, все понимающей. Но его я и вправду знаю.

Дэвид взболтнул остатки коктейля с ломтиком лимона на дне.

– До сих пор не могу понять, почему он разрешил мне приехать. Если знает мои работы.

– Поэтому я вас и предупреждаю. Он меня спрашивал. Пришлось рассказать. Вдруг бы он сам обо всем разузнал.

– О господи!

– Не волнуйтесь. Вполне возможно, он удовлетворится одним-двумя камешками – может, парой булыжников – в ваш огород. Не вставайте на ту же доску.

Он глянул на нее удрученно:

– Боюсь, я ужасно вам докучаю.

– Из-за того, какие скучные мины были у нас сегодня днем? Не очень-то любезно вышло, правда?

Она улыбалась, он улыбнулся в ответ.

– Я этого не говорил.

– Да мы в восторге, что вы приехали. Но нельзя же было слишком явно дать вам это понять на глазах у Генри.

– Вот теперь я понял.

В глазах ее мелькнул озорной огонек.

– А теперь вам предстоит получше узнать Энн. Она – покрепче орешек, чем я.

Но до Энн они так и не добрались. Дверь из кухни отворилась, и показалась седая голова экономки-француженки:

– *Je peux servir, mademoiselle?*

– *Oui, Mathilde. Je viens vous aider*⁶³.

---

⁶² Намек на роман «Под сенью девушек в цвету» (1918) – второй из знаменитого цикла романов французского писателя Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени».

⁶³ Можно подавать, мадемуазель? – Да, Матильда. Сейчас я вам помогу (*фр.*).

Она ушла на кухню. Ее подруга уже поднялась с дивана и тянула за руки Бресли, заставляя встать и его. Спина у нее была обнажена почти до ягодниц, вырез платья – абсурдно низкий. Рука об руку, старик и девушка прошли через комнату туда, где ждал их Дэвид. Нельзя было не признать – кое-каким стилем эта девица все же обладала. Она шла, семена ногами, словно подсмеиваясь над собой; в этой ее манере было что-то от обезьянки, какая-то сдерживаемая веселость, что-то вызывающе нарочитое по сравнению со спокойным шагом ее седовласого спутника. Дэвид усомнился, удастся ли ему когда-нибудь «узнать ее получше».

Стол был накрыт только с одного конца. Бресли встал в голове стола, Уродка уселась от него справа. Старик указал на стул:

– Уильямс, дорогой мой.

Дэвиду пришлось сесть справа от Уродки. Из кухни вышли Мышь и Матильда: на столе появились небольшая супница, блюдо с *crudités*⁶⁴, еще одно – с розовыми, разных оттенков кружками колбасы, масленка. Суп предназначался Бресли. Старик не садился, со старомодной учтивостью ожидая, пока займет свое место Мышь. Дождавшись, пока она сядет, он наклонился и легонько поцеловал ее в волосы на самой макушке. Девушки переглянулись, прочесть выражение их глаз было невозможно. Несмотря на столь разительные отличия во внешнем облике и в интеллекте, их явно объединяла некая близость, позволявшая им понимать друг друга без слов. Мышь налила супа в тарелку, стоявшую перед старым художником. Тот заправил огромную салфетку меж двумя пуговицами сорочки посередине груди и расправил ее на коленях. Уродка молча, но настоятельно предложила Дэвиду начинать первым. Экономка прошла в противоположный угол комнаты и зажгла керосиновую лампу, потом принесла ее и поставила на стол – на свободное место, как раз напротив Дэвида. Возвращаясь на кухню, она протянула руку к выключателю на стене: электрические лампы вокруг них погасли. Только наверху, на площадке, не видный отсюда, остался гореть один светильник, озаряя изящный силуэт средневековой лестницы, диагональю поднимающейся ввысь. Последний бледный отблеск вечернего света за окнами, высоко над листвою деревьев; лица, омываемые спокойным сиянием лампы под молочно-матовым абажуром; Мышь наливает красное вино из бутылки без ярлыка: Дэвиду, Бресли, себе. Уродка, по всей видимости, не пьет; впрочем, она почти и не ест. Она сидела оперев о стол локти обнаженных загорелых рук, время от времени выбирая что-нибудь из сырых овощей, откусывала кусочек, не сводя с Мыши темных глаз. На Дэвида она не глядела. Когда начали есть, за столом на некоторое время воцарилась тишина, словно все ждали, чтобы Бресли объявил беседу открытой. Но Дэвид проголодался и, вообще говоря, чувствовал себя гораздо более в своей тарелке теперь, когда Мышь полностью прояснила ситуацию. В свете керосиновой лампы вся сцена словно сошла с полотен Шардена⁶⁵ или Жоржа де Латура⁶⁶, таким мирным покоем она дышала. Вдруг, без всякого предупреждения, фыркнула, словно поперхнувшись, Уродка. Дэвид метнул взгляд в ее сторону – нет, дело не в еде, она просто пыталась подавить смех.

– Идиотка, – пробормотала себе под нос Мышь.

– Извиняюсь.

Уродка безуспешно пыталась совладать с нервным смехом, сжав губы и откинувшись на спинку стула, потом резким движением прижала к лицу белую салфетку и выскочила из-за стола. Шагах в пяти-шести от них она остановилась – к ним спиной. Бресли продолжал совершенно невозмутимо есть суп. Мышь – через стол – улыбнулась Дэвиду:

– Вы тут ни при чем.

---

⁶⁴ Сырые овощи, фрукты, шампиньоны (*фр.*).

⁶⁵ Шарден Жан Батист Симеон (1699–1779) – французский художник, выдающийся мастер бытового жанра, натюрморта, портрета.

⁶⁶ Латур Жорж де (1593–1652) – французский художник, создал особый строгий стиль в живописи, отличающийся сдержанностью чувств, характерным светом, обобщенностью силуэтов и форм.

– Задница ремня просит, – проворчал Бресли.

А девушка все стояла поодаль от них, обратив к ним низко обнаженную спину; над прямой и тонкой, как у огородного пугала, шеей темно-рыжим ореолом дыбились мелко завитые волосы. Немного погодя она двинулась дальше – к камину, и скрылась во тьме.

– Мышь – ваша поклонница, Уильямс. Успела вам сообщить?

– Да, мы уже учредили общество взаимного восхищения.

– Въедливая особа, эта наша Мышка.

Дэвид улыбнулся.

– По стопам Пифагора, а? Нет?

Старик сосредоточенно ел суп. Дэвид взглянул через стол – на Мышь: помогите.

– Генри хочет спросить, ваша стезя – абстракция?

Не отрывая взгляда от полной ложки, старик пробормотал:

– Обструкция.

– Ну... Да... К сожалению.

Он понял, что совершил ошибку еще до того, как перехватил взгляд Мыши. Старик поднял голову и улыбнулся:

– Отчего же к сожалению, милый юноша?

– Просто фигура речи, – легко парировал Дэвид.

– Заумь всякую пишете, как я слышал. Мышь говорит, все восхищаются.

– *Als ich kann*⁶⁷, – пробормотал Дэвид.

Бресли снова поднял голову:

– А ну-ка, еще раз?

Тут вдруг у своего стула возникла Уродка. В руке она держала три хризантемы – явно из той вазы, что Дэвид заметил на камине. Один цветок она положила на стол рядом с Дэвидом, другой – рядом со стариком, а третий – с Мышью. Потом опустилась на стул, сложив руки на коленях, как нашаливший ребенок. Бресли наклонился и отечески потрепал ее по руке.

– Так вы говорили – что, Уильямс?

– Пишу, насколько могу понятнее, сэр, – сказал Дэвид и продолжал поспешно: – Я мечтал бы пойти по стопам... – Но понял, что сейчас совершит еще одну ошибку.

– По чьим стопам, милый юноша?

– Брака?

Это и вправду оказалось ошибкой. Дэвид прикусил губу.

– Синтетическую кубистскую бессмыслицу писать?

– Для меня она полна смысла, сэр.

Старик помолчал. Съел еще немного супа.

– Все мы икру мечем, пока молоды. Все кругом подонки.

Дэвид улыбнулся, но промолчал.

– Чего только не рассмотрелся в Испании. Зверства. Слов не хватает. На войне такое творится. И не только у них. С нашей стороны тоже. – Он съел еще супа, потом отложил ложку, откинулся на стуле и внимательно посмотрел на Дэвида. – Бой окончен, молодой человек. Хотели спокойненько уложить меня на обе лопатки? Не выйдет.

– Меня предупреждали, мистер Бресли.

Старик вдруг успокоился, в глазах даже блеснул веселый огонек.

– Ну, раз уж вы это усвоили, мой мальчик.

Дэвид развел ладони: усвоил.

Мышь подала голос:

– Генри, хотите еще супа?

---

⁶⁷ Как могу (нем.).

- Чеснока слишком много.
- Не больше, чем вчера.

Старик пробурчал что-то и потянулся за бутылкой вина. Уродка подняла руки и, запустив растопыренные пальцы в волосы, взбила их, словно опасаясь, что они лежат слишком гладко; потом слегка повернулась к Дэвиду, не опуская рук:

- Вам нравится моя татуировка?

Во впадине чисто выбритой подмышки он увидел синюю маргаритку.

До конца обеда Дэвиду удавалось – при молчаливой поддержке Мыши – избегать разговоров о живописи. Еда тоже помогала: *quenelles* из щуки под соусом *beurre blanc*⁶⁸ оказались для него совершенно новым гастрономическим опытом, а затем подали барашка *pré-salé*⁶⁹. Говорили о французской кухне, о том, кто какие блюда любит, потом – о Бретани, о характере бретонцев. Дэвид узнал, что усадьба находится в Верхней Бретани, в отличие от Нижней, то есть Бретонской Бретани, что лежит дальше на запад: там еще говорят по-бретонски. «Котминэ» означает «монастырский лес»: лес вокруг усадьбы когда-то принадлежал аббатству. Но меж собой они не называли усадьбу полным именем, говорили просто «Кот». Говорили, главным образом, Мышь и Дэвид, хотя девушка время от времени обращалась к Бресли с просьбой что-то подтвердить или добавить. Уродка за весь вечер едва ли произнесла несколько слов. Дэвид чувствовал, что статус двух девиц «при дворе» разнится весьма значительно: Мыши дозволялось быть самой собой, Уродку просто терпели. В какой-то момент беседы выяснилось, что и Уродка изучала искусство, только она занималась графикой, а не живописью. Познакомились они в Лидсе. Но впечатление было такое, что она не больно-то всерьез принимает собственную квалификацию и эта компания ей не по плечу.

Старый художник, довольный тем, что удалось-таки задеть гостя за живое, попытался было вернуться к той манере общения, которую избрал днем. Но если Мышь смогла вполне успешно удерживать беседу в безопасных рамках, ее попытки держать бутылку подальше от старика успехом не увенчались. Сама она пила очень мало, а Дэвид при всем желании не мог угнаться за Бресли. Из буфета появилась еще одна бутылка. К тому времени, как опустели тарелки, опустела и она, и в глазах у старика появился стеклянный блеск. Однако он не выглядел опьяневшим: бокал брал уверенно, пальцы не дрожали, только по глазам можно было судить, что им овладевают демоны прошлого. На вопросы он отвечал еще более отрывисто и, казалось, вообще перестал слушать, о чем они говорят. Мышь пожаловалась, что они никогда не смотрят кино, и речь зашла о том, какие фильмы Дэвид видел недавно в Лондоне. Вдруг старик резким тоном прервал их:

- Мышь, еще бутылку. – Она взглянула на него, но он отвел глаза. – В честь нашего гостя.

Она все еще колебалась. Старик сидел, уставившись на свой пустой бокал. Потом поднял руку и ударил ладонью по столу. Улар не был ни слишком сильным, ни слишком злобным; он выражал всего лишь нетерпение. Но Мышь поднялась со стула и прошла к буфету. Видимо, наступил момент, когда разумнее было уступить, чем отговаривать. Бресли сидел откинувшись на спинку стула и пристально смотрел на Дэвида из-под седой челки, застывшая на его губах улыбка казалась почти благожелательной. Глядя на стол перед собой, вдруг заговорила Уродка:

- Генри, можно мне выйти из-за стола?

Он спросил, не отрывая взгляда от Дэвида:

- Зачем?
- Книгу почитать.
- Дура гребаная.

---

⁶⁸ Кнели из щуки под белым масляным соусом (*фр.*).

⁶⁹ Откормленного на солончаках (*фр.*).

– Ну пожалуйста.

– Давай вали отсюда.

На нее он так и не взглянул. К столу вернулась Мышь с третьей бутылкой, и Уродка с беспокойством посмотрела на подругу, будто требовалось еще и ее разрешение. Та едва заметно кивнула ей, и Дэвид вдруг почувствовал, как рука Уродки, опустившись под стол, на миг сжала его колено: не трись! Девушка встала, прошла через гостиную и поднялась по лестнице в свою комнату. Бресли подтолкнул бутылку поближе к Дэвиду. Любезности в этом жесте не было, скорее – вызов.

– Спасибо, нет. С меня хватит.

– Коньяк? Кальвадос?

– Нет, спасибо.

Старик снова налил себе полный бокал вина.

– Марижуана? Или как там ее? – Он качнул головой в сторону лестницы. – Вот что у нее там за книга.

Мышь совершенно спокойно возразила:

– Она больше этим не занимается. Вы же прекрасно это знаете.

Он сделал большой глоток из бокала:

– Да небось все вы, молодые умники-разумники, этим занимаетесь.

Дэвид ответил шутливо:

– Это – не по моему адресу.

– Мешает логарифмической линейкой пользоваться, а? Нет?

– Скорее всего. Только я ведь не математик.

– А как еще это можно назвать?

Мышь ждала, опустив глаза. Было ясно, что теперь она ничем не может помочь ему – разве что своим молчаливым присутствием. Не имело смысла делать вид, что он не понял, что подразумевается под словом «это». И Дэвид отважно встретил упорный взгляд старика:

– Мистер Бресли, большинство из нас полагает, что термин «абстракция» утратил свое значение. Ведь восприятие реальности за последние пятьдесят лет весьма значительно изменилось.

Казалось, старик некоторое время обдумывал это сообщение, потом отбросил его за ненужностью.

– А я говорю, что это – предательство. Величайшее предательство за всю историю искусства.

Вино бросилось ему в голову, окрасив щеки и нос, глаза помутнели. Он теперь не просто сидел откинувшись: его будто прижало к спинке стула, который он чуть подвинул и повернул так, чтобы быть лицом к Дэвиду. И оказался гораздо ближе к сидевшей рядом с ним девушке. Дэвид слишком много разговаривал с ней за обедом, проявил слишком большой интерес... теперь это было совершенно очевидно; к тому же старик, разумеется, видел, как они беседовали перед обедом. Сейчас Бресли необходимо было восстановить право владения.

– Дерьмовый триумф внуха. Так-то вот.

– Это все же лучше, чем триумф кровавого диктатора.

– Херня. Малафейка. Всё малафейка. И Гитлер – тоже. Дерьмо. Ничтожество.

Не поднимая на Дэвида глаз, Мышь сказала:

– Генри считает, что абсолютная абстракция есть абсолютный уход от ответственности за судьбу человека и общества.

На миг Дэвиду показалось, что она принимает сторону Бресли, но он тут же осознал, что она просто взяла на себя роль толмача.

– Но если философия нуждается в логике, а прикладной математике необходима чистая форма, то и искусству могут быть необходимы какие-то фундаментальные основы, не правда ли?

– Херня. Не фундаментальные основы. Крепкий фундамент. – Он кивнул в сторону Мыши. – Пара титек и пизденка. И все, что к ним прилагается. Это – реальность. А не ваши сраные теоремочки и педерастические сочетания цветов. Я-то понимаю, куда ваша братия клонит, Уильямс!

И снова Мышь бесстрастно перевела:

– Вас пугает человеческое тело.

– А если нас больше интересует интеллект, чем гениталии?

– Тогда – Бог в помощь вашей жене, Уильямс.

Дэвид ответил как можно спокойнее:

– Я полагал, мы говорим о живописи.

– Сколько у вас было женщин, Уильямс?

– Это вас не касается, мистер Бресли.

Неподвижный, пристальный взгляд старика и паузы, длившиеся, пока в затуманенном мозгу вызревал ответ, мешали Дэвиду сосредоточиться, словно приходилось фехтовать в замедленном темпе.

– Кастрация. Вот ваша ставка. Разрушение.

– В мире существуют более страшные разрушители, чем нефигуративное искусство.

– Херня.

– Скажите об этом погибавшим в Хиросиме. Или тем, кого жгли напалмом.

Старик фыркнул. Последовала еще одна пауза.

– Наука бездушна. Самой себе помочь не может. Крыса в лабиринте.

Он допил вино и нетерпеливо махнул Мыши: налей еще. Дэвид молчал, хотя ему очень хотелось прервать беседу и спросить: «А зачем, собственно, меня пригласили в Котминэ?» Он чувствовал, что вот-вот сорвется, несмотря на все предостережения. Больше всего его задел яростные личные выпады, бесила бесполезность рациональной аргументации, невозможность дискуссии; его попытки защититься только подливали масла в огонь.

– Все вы... – Старик сидел, уставившись на полный бокал; теперь он пропускал слова, речь стала еще более отрывистой. – Предали крепость на поток и разграбление. Продали! Авангард. Эксперименты. Ни хрена подобного! Измена, вот что это такое. Объедки научной жратвы. Предали к черту все искусство, продали, как черных рабов, к гребаной матери.

– Абстрактное искусство давно уже не авангард. И разве возможность творить как кому заблагорассудится не есть наилучшая пропаганда гуманизма?

Опять – пауза.

– Бредятина.

Дэвид заставил себя улыбнуться:

– Тогда остается только социалистический реализм? Государственный контроль?

– А над вами какой контроль, Уилсон?

– Уильямс, – поправила Мышь.

– Не вешайте мне эту либеральную лапшу на уши. Всю жизнь эту тухлятину слышу. Тоже мне – честная игра! Слюнтяи. – Старик вдруг нацелился в Дэвида пальцем. – Стар я для этого, мой мальчик. Навидался всякого. Слишком много народу гибнет из-за порядочности. Терпимость. Чистоплюи! Только б зады не замарать!

С презрительной гримасой он одним глотком осушил бокал и снова потянулся за бутылкой. Горлышко дробно застучало о край бокала, вино пролилось на стол: старик не сумел вовремя остановиться. Мышь взяла бокал и отлила немного вина себе, потом спокойно про-

мокнула салфеткой винную лужицу рядом с Бресли. Дэвид уже остыл: теперь он испытывал лишь неловкость.

– Хорошие вина – знаете, как их делают? Мочу добавляют. Ссут прямо в бочку. – Рука Бресли дрожала. Он поднес было бокал ко рту, но снова поставил на стол. Паузы между всплесками речи становились все дольше. – Десяток англичан мизинца одного француза не стоят! – Молчание. – Не масло. Пигмент, и больше ничего. Дерьмо сплошное. Даже если удачно. *Merde*⁷⁰. Говно! *Excrementum*⁷¹. Вот что выходит. Вот ваши фундаментальные основы. А не жеманные изыски абстрактного хорошего вкуса. – Старик опять замолчал, словно силился отыскать путь вперед, но вынужден был отойти на старые рубежи. – И на подтирку не годятся!

Воцарилась тягостная тишина. Где-то за окном ухала сова. Девушка сидела, чуть отодвинувшись от стола, сложив на коленях руки, опустив глаза, готовая ждать хоть целую вечность, пока старик прекратит свою бессвязную злобную воркотню. Интересно, подумал Дэвид, часто ли ей приходится терпеть такие чудовищные издевательства, эту богемную разнузданность, выпущенную алкоголем на волю? Опять вступать в эти давно отгремевшие баталии о проблемах, решенных раз и навсегда еще до рождения Дэвида – не только *de facto*, но и *de jure*⁷². Форма всегда и везде – это неестественно. А цвет в нефигуративной живописи сам по себе несет функцию содержания... Незачем копыя ломать по этому поводу, как нет смысла оспаривать теорию Эйнштейна. Произошло размежевание. Можно спорить о применении, но не о принципе. Так думал Дэвид, и эти мысли, видимо, отразились на его физиономии: он ведь тоже выпил больше, чем обычно.

– Разочарованы, Уильямс? Думаете, упился старый черт? *In vino* у него не *veritas*⁷³, а хреновина одна?

Дэвид покачал головой:

– Да нет. Просто вы переживаете с аргументацией.

Снова долгая пауза.

– А вообще-то вы и правда художник, Уильямс? Или кишка тонка и вы только и можете, что словеса накручивать?

Дэвид не ответил. Помолчали. Старик отхлебнул еще вина.

– Скажите хоть что-нибудь.

– Гнев и ненависть – роскошь, которую в наши дни мы просто не можем себе позволить. На любом уровне.

– Тогда – да поможет вам Бог.

Дэвид едва заметно улыбнулся:

– У Него тоже нет выбора.

Мышь взяла бутылку и налила старику еще вина.

– А знаете, что означало – подставить другую щеку, когда я молодой был? Кем того парня считали, что другую щеку подставлял?

– Нет.

– Да жопошником его считали. Вы – жопошник, а, Уилсон?

На этот раз Мышь не сочла нужным его поправить, а Дэвид не счел нужным отвечать.

– На коленки встал, портки спустил – и все проблемы решил, а? Нет?

– Нет. Но и страх ничего не решает.

– Какой еще страх?

– Страх утратить то... что и так не ставится под вопрос.

---

⁷⁰ Дерьмо (фр.).

⁷¹ Экскремент (лат.).

⁷² Фактически... юридически.

⁷³ В вине... истина (лат.).

Старик снова уставился на Дэвида:

– Что за чертовщину он несет?

Мышь невозмутимо пояснила:

– Он хочет сказать, что вашему творчеству и вашим взглядам на искусство ничто не угрожает, Генри. Места хватит на всех.

На Дэвида она не взглянула, только чуть подалась вперед, отодвинувшись от старика, поставила локоть на стол и оперлась подбородком на руку. На мгновение коснулась губ кончиком пальца. Дэвид не должен больше отвечать старику. За окном вдруг залаял Макмиллан, захлебываясь от злобы и подозрительности. Затем послышался окрик – муж экономки выбрал пса. Ни старик, ни девушка не обратили на это никакого внимания: ничего особенного, всего лишь привычные ночные звуки. Но для Дэвида в них было что-то глубоко символическое, полное смысла, словно эхом отдавались тяжкие раздумья, напряженное состояние старого художника.

– Такая, значит, у вас теперь линия, а? Нет?

Мышь глянула через стол на Дэвида. В глазах – чуть заметная усмешка.

– Генри полагает, что нельзя проявлять терпимость к тому, что считаешь дурным.

– Старая история. Подождем-посмотрим, как все равно ваши чертовы англичане. Голосом за Гитлера?

И снова – молчание. Потом, совершенно неожиданно, заговорила Мышь:

– Генри, вы же знаете: нельзя бороться с тоталитарным мышлением тоталитарными же методами. Это лишь вызывает к жизни новые тоталитарные идеи.

Вероятно, смутное сознание того, что она теперь встала на сторону Дэвида, просочилось сквозь алкогольный туман. Бресли с трудом перевел взгляд на погруженный в тень противоположный конец стола. В последний раз, наполнив его бокал, Мышь поставила бутылку слева от себя, так что теперь старику было не дотянуться. Он с трудом произнес:

– Собирался вам что-то сказать.

Неясно было, то ли он имел в виду «Не хотел вас обидеть», то ли – «Забыл, что собирался сказать». Дэвид пробормотал:

– Да-да, понимаю.

Старик снова уставился на Дэвида. Ему трудно было сфокусировать взгляд.

– Зовут вас как?

– Уильямс. Дэвид Уильямс.

– Допейте вино, Генри, – сказала Мышь.

Но он не обратил на нее внимания.

– Не в ладах со словами. Не моя стезя.

– Я понимаю.

– Нет ненависти – нет любви. Не можешь любить – не можешь писать.

– Ясно.

– Геометрия хреновая! Без толку. Ни фигура не выйдет. Все пробовали. Псу под хвост.

Устремленный на Дэвида взгляд теперь обрел сосредоточенность отчаяния, стал прямо-таки физически ощутим. Казалось, старик утратил нить рассуждений. Мышь подсказала:

– Творить – значит высказываться.

– Нельзя писать без слов. Линиями.

Глядя в глубину комнаты, заговорила Мышь:

– Искусство есть форма речи. Речь должна основываться на реальных нуждах человека, не на абстрактных грамматических теориях. Ни на чем ином, только на изреченном слове. Слове реальном.

– И еще. Идеи. Ни к чему...

Дэвид кивнул с серьезным видом. А Мышь продолжала:

– Идеи опасны по самой своей сути, поскольку отрицают человеческий фактор. А единственным ответом фашизму может быть только человеческий фактор.

– Машина. Как его? Компьютер.

– Я понял, – сказал Дэвид.

– Ташист⁷⁴. Фотрие⁷⁵. Этот малый – Вольс⁷⁶. Как до смерти перепуганные овцы. Гадят... Кап, шлеп. – Он замолчал. Долгая пауза. – Черт, как его? Забыл.

Дэвид и Мышь одновременно произнесли имя художника, но Бресли не расслышал. Мышь повторила:

– Джексон Поллок⁷⁷.

– А-а, Джексон Фаллок. – Старик снова уставился во тьму. – Да проклятая бомба в тыщу раз лучше, чем Джексон Фаллок!

Мышь и Дэвид молчали. Дэвид опустил взгляд на древнюю столешницу: темный дуб в старых шрамах и ссадинах, многовековая патина застолий, звучавших над столом старческих голосов, силившихся остановить, отогнать прочь грозно наступающий безжалостный прилив. Как будто у времени бывают отливы. Наконец старик заговорил – очень четко и ясно, словно до сих пор лишь притворялся пьяным, а теперь, не очень последовательно, подводил итог:

– Башня из черного дерева⁷⁸. Я так это называю.

Дэвид взглянул через стол – на Мышь, но она отвела глаза. Прекратить дискуссию было теперь явно важнее, чем интерпретировать ее смысл. Совершенно очевидно, что Бресли на самом деле не притворялся: Дэвид заметил, с каким трудом мутный взгляд старика отыскивал на столе бокал, возможно, ему виделось их несколько. Старик протянул руку, из последних сил стараясь казаться трезвым и решительным. Мышь перехватила его ладонь и осторожно сжала стариковские пальцы вокруг ножки бокала. Бресли с трудом поднес вино к губам и попытался молодецки выпить его одним глотком. Вино струйками потекло по подбородку, ярким пятном пролилось на белую сорочку. Мышь потянулась вперед и, отерев ему подбородок, промокнула салфеткой пятно. Сказала тихонько:

– А теперь – спать.

– Еще!

– Нет. – Она взяла со стола полупустую бутылку и поставила на пол у своего стула. – Больше нету.

Мутный взгляд уперся в Дэвида.

– *Qu'est-ce qu'il fait ici?*⁷⁹

Мышь встала и взяла старика под локоть – помочь подняться.

Он произнес:

– Спать.

– Да, Генри.

Но он все сидел в оцепенении, чуть ссутулившись, очень пьяный и очень старый человек. Девушка терпеливо ждала. Ее потупленные глаза встретили взгляд Дэвида со странной серьезностью, точно она боялась распознать в его взгляде презрение из-за той роли, которую

---

⁷⁴ Последователь ташизма (абстрактного экспрессионизма) – течения в живописи 20-х гг. XX в., стремившегося освободиться от преднамеренной композиции и рисунка и использовавшего сочетание цветowych пятен как метод изображения.

⁷⁵ Фотрие Жан (1898–1964) – французский художник; провел детство и начинал свое творчество в Лондоне. Известен литографическими иллюстрациями к «Аду» Данте и серией «Заложники», темы которой навеяны зверствами нацизма.

⁷⁶ Вольс Вольфганг Шульц (1913–1951) – скрипач и художник немецкого происхождения; жил и работал во Франции; известен своими акварелями и каллиграфической живописью.

⁷⁷ Поллок Джексон (1912–1956) – американский художник, крупнейший представитель течения абстрактного экспрессионизма в живописи. Один из родоначальников живописи действия и живописи момента. Использовал, в частности, метод «капли и пятна», что и пародирует в своей филиппике Бресли.

⁷⁸ Аналогия (с противоположным знаком) флюберовской «башни из слоновой кости», где укрывается от жизни художник.

⁷⁹ А этот какого хрена здесь делает? (*фр.*)

вынуждена играть. Он ткнул пальцем себе в грудь: могу я помочь? Она кивнула, но подняла вверх палец: не тотчас. Чуть погодя она наклонилась и поцеловала старика в темя:

– Идем. Попробуйте встать.

Словно послушный, чуть боязливый ребенок, Бресли оперся ладонями о стол. Поднявшись на ноги, он пошатнулся и навалился грудью на край столешницы. Дэвид быстро подхватил его под другой локоть. Но старик неожиданно снова упал на стул. На этот раз, чтобы его поднять, им пришлось тянуть его под руки. И все же по-настоящему им стало ясно, насколько он пьян, только тогда, когда они через всю комнату направились к лестнице. Он был практически без сознания, глаза у него не открывались; только ноги, подчиняясь какому-то древнему инстинкту или долголетней привычке, каким-то образом ухитрились, шаркая, двигаться вперед. Мышь стянула с него галстук-бабочку, расстегнула ворот сорочки. С трудом им удалось отвести его наверх, в большую спальню в западном торце дома.

Дэвид увидел широкую двуспальную кровать и рядом – узенькую односпальную, с которой поднялась Уродка. Мельком заметил, что и здесь стены увешаны картинами и рисунками, а у окна, глядящего на запад, – стол; на нем стаканы, полные карандашей, мелков и угля для рисования.

– Ах, Генри, как же так можно! Бедненький старенький Генри.

Мышь, поверх упавшей на грудь головы Бресли, сказала Дэвиду:

– Теперь мы сами справимся.

– Точно?

Бресли пробормотал:

– Пи-пи.

Девушки повели его вокруг кровати, к двери на противоположной стороне комнаты, помогли старику войти, и все трое исчезли за дверью. Дэвид остался один, растерянный, не зная, как поступить; вдруг он заметил над кроватью картину – Брак, явно знакомый ему по репродукциям. Наверняка репродукции были помечены: «Из частной коллекции», но Дэвиду не приходило в голову, что картина может принадлежать Бресли. Он с грустной иронией подумал: какой же легкомысленной чушью было швыряться таким именем перед старым художником, причислять себя к избранным в стремлении защититься. Из ванной вышла Уродка и плотно закрыла за собой дверь. И снова ироничность ситуации поразила его: эта картина... шестизначная цифра на любом аукционе... и это ничтожное, по виду совершенно ненадежное существо, что стоит сейчас в противоположном конце комнаты и смотрит... Слышно было, что старика рвет.

– Он что, каждый вечер так?

– Только изредка. – Она улыбнулась, не разжимая губ. – Вы тут ни при чем. Это из-за других.

– Не могу ли я помочь? Раздеть его?

Она покачала головой:

– Не беспокойтесь. Не надо, правда. Мы привыкли.

Дэвид постоял в нерешительности. Она повторила:

«Правда». Ему хотелось сказать ей, как он восхищен тем, что они делают для старого художника, но слова не шли с языка – что было для него совершенно необычно.

– Ну, что ж... пожелайте спокойной ночи... Я так и не знаю ее настоящего имени.

– Ди. Диана. Спите спокойно.

– И вы.

Сухо сжатые губы. Еле заметный кивок. Дэвид ушел.

У себя в комнате, надев пижаму и улегшись в постель, он взял привезенный с собой триллер и, опершись на локоть, попытался читать. Подумал, что засыпать не время: нужно побыть некоторое время под рукой – хотя бы потенциально, – чтобы прийти на помощь, если понадо-

бится; да и все равно, хоть он и очень устал, о том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. Он и читать толком не мог – адреналин еще бушевал в крови. Что за необычайный вечер! Дэвид впервые поразился, что с ним не было Бет. Для нее это было бы слишком; она, вполне возможно, слетела бы с катушек; впрочем, стариковские подначки были такими грубыми, такими откровенными, что выявили все слабые места старого художника. По сути, тут ведь имеешь дело с капризным и злым ребенком. А эта Мышь – Диана – как здорово она с ним управляется. Чудесная девушка... чудесные обе – должно же и в той, другой, быть что-то хорошее, о чем не догадаешься по виду: преданность, мужество своего рода... Пока же приходится принимать на веру то, что говорила Мышь, полагаться на точность ее суждений; ее невозмутимость очень помогала. Интересно, довольна ли она им самим? Дэвид припомнил скептические шуточки, какими они обменивались с Бет насчет того, оправдает ли старик свою репутацию. Бет заявила, что, если старик пару-тройку раз ее не потискает, она потребует деньги назад... Ну, с этим, по крайней мере, все в порядке. Будет о чем порассказать дома, с глазу на глаз. Он попытался углубиться в раскрытую книгу.

Прошло минут двадцать с того момента, как он оставил девиц управляться с домашним тираном. Дом затих. Но тут кто-то вышел из спальни Бресли. Легкие шаги, скрип половиц в коридоре, чуть слышный стук в дверь.

– Войдите.

В приоткрытой двери появилась голова: Мышь.

– Я увидела – у вас свет горит. Все в порядке. Он заснул.

– Я не сразу понял, до какой степени он пьян.

– Приходится иногда позволять ему это. Но вы молодец, справились.

– Ужасно рад, что вы меня предупредили.

– Завтра он будет весь раскаяние. Мягкий и ласковый, как ягненок. – Она улыбнулась. –

Завтрак около девяти. Но знаете что? Спите, сколько вам заблагорассудится.

Мышь готова была уйти – убрать голову из приоткрытой двери, но Дэвид остановил ее:

– Послушайте, что он такое хотел сказать под конец? Что за башня из черного дерева?

– А-а, это! – Она улыбнулась. – Ничего особенного. Просто один из пунктиков, на которых он зациклен. – Она наклонила голову чуть набок. – То, что, по его мнению, заменило башню из слоновой кости?

– Абстракция?

Она покачала головой:

– Все, чего он не принимает в современном искусстве. То, что, по его мнению, неясно, так как художник боится ясности... ну, вы понимаете. В определенный момент человек отбрасывает все то, чего из-за старости уже не может просечь. Не принимайте на свой счет. Он не умеет иначе высказывать свои взгляды: обязательно оскорбит собеседника.

Она улыбнулась ему. Видна была лишь ее голова, все остальное скрывалось за дверью.

– Теперь – порядок?

Он улыбнулся в ответ и кивнул. А она ушла – не в спальню старика, а дальше по коридору. Тихонько щелкнула, закрываясь, дверь. А Дэвиду хотелось бы еще поговорить с ней. Давний мир, университетская атмосфера, студентки, которые тебе нравятся и которым самую малость нравишься ты: странным образом в Котминэ ощущалось что-то подобное, вызывая в памяти те дни, когда в жизнь его еще не вошла Бет; правда, нельзя сказать, чтобы он часто позволял себе флиртовать со студентками. В глубине души он был верным мужем задолго до того, как женился.

Он немного почитал, потом выключил свет и, как это обычно с ним бывало, почти сразу же провалился в сон.

И снова Мышь оказалась права. Глубочайшее раскаяние стало очевидным, как только Дэвид, ровно в девять часов, спустился вниз. Бресли сам явился из сада, когда он замешкался у подножия лестницы, не зная, где будет накрыт завтрак. Дэвид плохо представлял себе, быстро ли восстанавливают силы люди, всю жизнь много пьющие, и старик показался ему на удивление бодрым и по-новому элегантным в светлых брюках и синей, спортивного покроя рубашке.

– Дорогой мой! Несказанно сожалею о вчерашнем. Девчонки говорят: был ужасающе груб.

– Ну что вы! Ничего подобного.

– Упился в доску. Позор.

Дэвид ухмыльнулся:

– Забыто.

– Проклятье всей моей жизни, знаете ли. Никогда не умел вовремя остановиться.

– Пожалуйста, пусть это вас не волнует.

Дэвид пожал неожиданно протянутую ему руку.

– Очень благородно с вашей стороны, милый юноша. – Старик задержал руку Дэвида в своей, глаза смотрели испытующе. – Скажите, могу я называть вас просто Дэвид? По фамилии нынче только замшелые провинциалы обращаются, а? Нет?

Он произнес «замшелые» так, будто это было словечко из самоновейшего молодежного жаргона.

– Буду рад.

– Вот и прекрасно. Ну, что ж. Тогда я для вас – Генри. Да? А теперь пойдем позавтракаем.

По утрам мы едим на кухне – в тесноте, да не в обиде.

Они прошли в противоположный конец комнаты, к двери в кухню.

Бресли сказал:

– Девчонки предлагают небольшой *déjeuner sur l'herbe*⁸⁰. Неплохая мысль, а? Нет? Пикник?

В саду сияло солнце, над деревьями трепетала легкая дымка.

– Горжусь моим лесом. Есть на что поглазеть.

– С огромным удовольствием.

Обе девицы, очевидно, уже поели и ушли: как выяснилось, отправились в Плелан, соседнюю деревню, купить еды... а заодно – предположил Дэвид – дать старику время и возможность выказать свое раскаяние. После завтрака Бресли повел гостя прогуляться по усадьбе. Оказалось, что старый художник гордится и огородом, и садом: он чуть хвастливо демонстрировал недавно приобретенные познания, щеголяя названиями и описывая различные способы культивации растений. На огороде они обнаружили Жан-Пьера, рыхлившего мотыгой грядки позади восточного торца дома; слушая, как старик разговаривает с мужем экономки о чахнувшем тюльпанном дереве и о том, что по этому поводу следует предпринять, Дэвид снова ощутил, как приятно ему сознание, что в жизни старика есть гораздо более важная доминанта, чем проявленный накануне «рецессивный» сплин. Бресли явно уже привык к Котминэ, научился жить в согласии с природой. Немного погодя, когда, оставив огород позади, они вышли в сад, он показал Дэвиду старое грушевое дерево – плоды на нем уже созрели; пришлось попробовать грушу: их нужно есть прямо с дерева, пояснил старик и тут же признался, что только теперь понял, как глупо было провести большую часть жизни в городе, ведь у него осталось так мало времени наслаждаться всем этим. Дэвид с удовольствием ел грушу; перед тем как снова впиться зубами в сочную мякоть, он спросил, почему же понадобился столь долгий срок,

---

⁸⁰ Завтрак на траве (название знаменитой картины французского художника Эдуарда Мане (1832–1883), написанной им в 1863 г.).

чтобы осознать это. Бресли презрительно фыркнул – в свой собственный адрес, потом ткнул концом трости в паданец.

– Да все сучий Париж, мой милый. Знаете эти стишки? Граф Рочестер⁸¹, по-моему? «Пусть беден человек, нужда его страшна, всегда отыщет он, где сеять семена». Точно. Этим все сказано.

Дэвид улыбнулся. Они медленно шли дальше.

– Зря не женился. В тыщу раз дешевле бы обошлось.

– Но многое оказалось бы упущенным?

Старик снова презрительно фыркнул:

– Что одна, что полсотни – без разницы, а? Нет?

Казалось, он совершенно не сознает ироничности ситуации, ведь он и теперь не мог обойтись одной; и словно нарочно, как раз в этот момент на частной дороге, отделившей их от внешнего мира, показался маленький белый «рено». Вела машину Мышь. Она высунула в окно руку и помахала им, но не остановилась. Дэвид и Бресли повернули назад, к дому. Старик ткнул палкой вслед машине:

– Завидую вам, молодым. Таких не было – в наши дни.

– Мне кажется, девушки двадцатых были просто потрясающие.

Трость взлетела вверх, выражая искреннее негодование.

– Галиматъя, дорогой мой. Не представляете. Полжизни потратишь, чтоб уговорить ее ножки раздвинуть. А вторые полжизни – жалея, что уговорил. Или другое. Подхватишь триппер от какой-нибудь поблядушки. Собачья жизнь! Не пойму, как мы вытерпели.

Но Дэвид счел его слова неубедительными; впрочем, он понимал, что именно этого от него и ждут. В глубине души старик ни о чем не жалел; а если и жалел, то о невозможном – о совершенно иной жизни. Былая сексуальная привлекательность, этакий петушиный задор каким-то чудом все еще сохранились в облике этого старого человека: он и в молодости вряд ли отличался особой красотой, но в нем наверняка чувствовался напор, дьявольская энергия; всей своей сутью он бросал вызов однолюбам и единобрачию. Легко было представить себе его многочисленные неудачи – и абсолютное равнодушие к ним; его предельный эгоизм в постели – как и во всем остальном; он был совершенно невозможен – и поэтому в него верили. А теперь даже те, кто когда-то отказывался в него поверить, могли быть спокойны: он прошел через все и достиг всего; у него есть громкое имя, богатство, молоденькие девушки, свобода быть именно тем, чем он и был всю свою жизнь, нимб вокруг его эгоцентризма, собственный мирок, где выполняется любой его каприз – лишь пальцем шевельни, тогда как весь остальной мир отвергнут, пребывая в дальней дали, за зеленым лесным океаном. Для тех, кто, подобно Дэvidу, привык рассматривать свою жизнь (и свою живопись) как логический процесс, считая, что завтрашние успехи зависят от сегодняшнего разумного выбора, такой итог представлялся не вполне справедливым. Разумеется, путь к вершине не определяется строгими правилами, риск, поиск и все прочее должны играть определенную роль, так же как живопись действия и живопись момента образуют – хотя бы в теории – важный сектор в спектре современного искусства. В голове у него возник новый «горовосходительный» образ: стремясь к вершине, человек приобретает самое лучшее снаряжение, какое ему по средствам, и всегда смотрит вверх. Но там, на самой вершине, стоит ухмыляющийся старый сатир в мягких домашних туфлях, с наслаждением посылающий ко всем чертям здравый смысл и разумный расчет.

Около одиннадцати они были уже *en route*⁸². По длинной лесной просеке девушки с корзинками шли впереди, а Дэвид со старым художником следовал за ними, неся складной синий

---

⁸¹ Граф Рочестер, Джон Уилмот (1647–1680) – английский поэт, сатирик, ведущий член группы «придворных остроумцев», окружавших короля Карла II (1630–1685; правил 1660–1685). Был также известен боевыми подвигами в морских сражениях.

⁸² В дороге (*фр.*).

шезлонг с алюминиевым каркасом – переносной диван для старых маразматиков, как пренебрежительно обозвал его Бресли; но Мышь настояла, и шезлонг взяли. Старик, в дешевой старой панаме с широкими полями, шагал, перекинув через руку плащ; в самой любезной своей манере, словно сеньор – владелец замка и прилежащих угодий, он то и дело указывал тростью то на тени, то на особый свет, то на специфический характер перспективы в «его» лесу. Гостю было позволено вернуться к истинной цели визита. Тишина, странное отсутствие птиц: какими красками передать тишину на полотне? Возьмем театр – неужели Дэвид не замечал, как поособому тиха пустая сцена? А Дэвид тем временем мысленно брал на заметку все, что могло быть использовано в предисловии.

«Тот, кому посчастливилось вот так прогуливаться со старым мастером... – нет –...прогуливаться с Генри Бресли по столь любимому им Пэмпонскому лесу, сохранит навсегда живое воспоминание... дымка, трепетавшая над деревьями, растаяла, утро было на удивление теплым, словно все еще стоял август, а не сентябрь; совершенно бесподобный день; так писать, на самом деле, просто нельзя. Но Дэвида грело еще и сознание, что вчерашнее крещение огнем обернулось поистине благом: старик был с ним в высшей степени предупредителен и любезен. Влияние средневековой литературы Бретани, определившее настроение, хоть, возможно, и малозаметное в конкретной символике картин, созданных в Котминэ, теперь признавали все; правда, Дэвид так и не смог обнаружить каких-либо публичных разъяснений на этот счет, сделанных самим Бресли. Перед поездкой Дэвид довольно бегло просмотрел соответствующую литературу, но сейчас предпочел сыграть роль невежды и был вознагражден: оказалось, что Бресли гораздо более учен и начитан, чем позволяла на первый взгляд предположить его резкая и лаконичная манера выражать свои мысли. Старый художник объяснил – экспромтом – неожиданно распространившееся в двенадцатом и тринадцатом веках увлечение романтическими легендами и тайнами островной Британии («вроде Дикого Севера, и рыцари – вроде ковбоев, а? Нет?»), проникшее во все европейские страны через ее французскую тезку – Бретань; нежданную поглощенность темами любви и приключений, тайн и волшебства; значимость когда-то беспредельного леса, взять хотя бы этот реальный Пэмпонский лес, где как раз теперь они прогуливаются; а Броселиандский лес у Кретьена де Труа может служить примером, так сказать, матрицей всего происходившего: выход за пределы закрытого парадного сада иных жанров средневекового искусства; глубочайшее томление, символизированное в бесцельно блуждающих всадниках и потерявшихся девах, во всех этих драконах и мудрых волшебниках; Тристан, и Мерлин, и Ланселот...⁸³

– Но все это ерунда, Дэвид, – говорил Бресли. – Только отдельные куски, знаете ли. Только то, что тебе нужно. Что наводит на размышления. Стимулирует – вот точное слово.

Затем он принялся рассуждать о Марии Французской и «Элидоке»⁸⁴.

– Чертовски интересная история. Сто раз перечитывал. Как этого мошенника-швейцарца зовут? Юнг⁸⁵, что ли? Прямо по Юнгу. Архетипы и все такое.

Девушки свернули на другую просеку, поуже и потенистей, диагональю отходившую от той, по которой шли до этого. Бресли и Дэвид – за ними, шагах в сорока позади. Старик взмахнул палкой им вслед:

– Эти две девчонки, например. Две девушки в «Элидоке».

Он принялся пересказывать сюжет. Однако, сознательно или нет, он избрал такой стенографический стиль, что рассказ его напоминал скорее фарс Ноэля Кауарда⁸⁶, чем благородную

⁸³ В тираде Бресли перечисляются темы и герои легенд и романов Артуровского цикла.

⁸⁴ Мария Французская (1160–1190) – французская поэтесса, главные свои работы писавшая в Англии. Автор двенадцати лэ (жанр рифмованного рассказа), в том числе и лэ «Элидок», и ряда рассказов на кельтские темы в форме рифмованных двустиший.

⁸⁵ Юнг Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психолог, врач-психиатр, создатель теории психоанализа.

⁸⁶ Кауард Ноэль (1899–1973) – английский актер, драматург и композитор.

средневековую повесть о несчастной любви, так что Дэвиду пришлось пару раз подавить смех. Да и реальные девушки – Уродка в красной рубаше, черном хлопчатобумажном комбинезоне и коротких резиновых сапогах-веллингтонах, Мышь – в темно-зеленом тонком свитере (оказывается, не все бюстгалтеры подверглись сожжению, отметил про себя Дэвид) и светлых брюках – не очень-то способствовали игре воображения. Дэвид все больше и больше убеждался в том, как права была Мышь: несчастье старого художника – в его почти полной неспособности адекватно выражать свои мысли словами. О чем бы он ни рассуждал, он либо произносил пошлости, либо неимоверно искажал смысл того, о чем говорилось. Нужно было постоянно напоминать себе, с какой точностью он мог выражать свои мысли красками на полотне: разрыв между этими двумя способами был словно пропасть. Его живопись доказывала, что художник – человек сложный и тонко чувствующий, но почти все в нем, если судить по внешности, опровергало это впечатление. В каком-то смысле его можно было сравнить – хотя его, несомненно, возмутило бы такое сравнение – с неким, давно вышедшим из моды членом Королевской академии художеств, которому гораздо важнее, сохраняя определенный стиль, казаться столпом ушедшего в небытие общества, чем создателем серьезных работ. Вполне возможно, что это и было одной из существенных причин добровольного изгнания: ведь старик наверняка сознает, что сам он, как личность, не вызовет особого почтения в Британии семидесятых годов. Только здесь, в Котминэ, он мог оставаться самим собой. Разумеется, все эти соображения не могли войти в предисловие, но они показались Дэвиду весьма занимательными. У старого художника, как и у этого древнего леса, были собственные давние тайны.

Девушки остановились, поджидая мужчин. Надо было решить, где свернуть с просеки и пройти через заросли к лесному озеру – месту обетованному и весьма подходящему для пикника. Где-то здесь должна быть веха – дуб с мазком красной краски на стволе. Мышь считала, что они прошли мимо, но Бресли утверждал, что нужно идти дальше, и оказался прав. Сотни через полторы шагов они обнаружили дуб и стали спускаться меж деревьев по чуть заметному склону. Подлесок густел, впереди мелькнула полоска воды, и через несколько минут они вышли на поросший травой берег *étang*⁸⁷. На самом деле это, конечно, был не пруд, а небольшое лесное озеро, сотни четыре ярдов до противоположного берега от того места, где они теперь стояли; справа и слева от них края озера, плавно изгибаясь, уходили дальше в лес. Посреди озера безмятежно плавала стайка диких уток, не больше дюжины. Густые деревья, обступившие берега; ни дома, ни хижины вокруг; гладкая, словно зеркало, нежно-голубая в свете сентябрьского солнца вода. Этот пейзаж был изображен на двух полотнах Бресли из серии последнего периода, и Дэвиду показалось, что он уже бывал здесь и хорошо знает это место: типичное *déjà vu*⁸⁸. Уголок был совершенно очаровательный, чудом сохранивший первозданную красоту. Они расположились в негустой тени одинокой, близко к берегу растущей ели. Для Бресли разложили шезлонг. Похоже, он был рад возможности сесть и положить повыше ноги, что сразу же и сделал, попросив только, чтобы спинку поставили поправее.

– Ну, давайте-ка, вы обе, долой штанишки – и в воду.

Уродка искоса глянула на Дэвида и отвела глаза:

– Мы стесняемся.

– Вы ведь поплаваете, Дэвид? Составите им компанию?

Дэвид, в растерянности, взглянул на Мышь, но она склонилась над одной из корзинок. На этот раз он почувствовал обиду: им пренебрегли, его не предупредили. Никто и слова не сказал о купанье.

– Ну... Может быть, чуть позже.

– Ну вот, а я что говорю? – сказала Уродка.

⁸⁷ Пруд (*фр.*).

⁸⁸ Уже виденное (*фр.*) – термин, обозначающий психологическое явление, описанное в тексте.

– Да что с тобой? У тебя менструация, что ли?

– Ох, Генри! Ради бога!

– Да он женат давно, милая моя. Что он, пипки женской не видал, что ли?

Мышь выпрямилась и взглянула на Дэвида – взгляд чуть извиняющийся, чуть ироничный:

– Купальники здесь считаются предметом безнравственным. В них мы выглядим еще несноснее, чем обычно.

Однако она постаралась смягчить эту колкость, улыбнувшись старику.

– Да-да, разумеется... – пробормотал Дэвид.

Мышь взглянула на Уродку:

– Давай выйдем на стрелку, Энн. Там дно потверже.

Она взяла полотенце и зашагала прочь, но Уродка теперь, кажется, стеснялась еще больше. Неприязненно глянула на двух мужчин:

– Да и некоторым старым пошлякам – любителям на птичек поглазеть – будет полегче.

Старик усмехнулся, а Уродка показала ему язык. Потом она тоже взяла из корзинки полотенце и последовала за подругой.

– Садитесь, садитесь, милый юноша. Они вам просто голову морочат. Ни хрена себе, стесняются они!

Дэвид опустил на усыпанную хвоей траву. По-видимому, эта сцена была устроена специально – продемонстрировать, на что им приходится идти ради старого художника, хотя прошлый вечер, как ему представлялось, был достаточно убедительным свидетельством происходящего. Он чувствовал, что его поддразнивают, что против него составлен некий шуточный заговор: мол, теперь наша очередь вас шокировать. Стрелка – узкая, поросшая густой травой коса – выдавалась в озеро ярдах в шестидесяти от того места, где они расположились. Девушки прошли к самому концу стрелки; дикие утки с громким плеском поднялись с середины озера и, плавной дугой пролетев над деревьями, скрылись за лесом. Девушки остановились; Мышь принялась стягивать свитер. Стянула, снова вывернула лицевой стороной наружу и бросила на траву. Расстегнула бюстгальтер. Уродка бросила взгляд назад, туда, где, отделенные от них зеркалом воды, остались Дэвид и Бресли, швырком скинула с ног веллингтоны и спустила с плеча одну из лямок комбинезона. Мышь стянула с ног джинсы и трусики вместе, потом вытащила трусики из джинсов и сложила все рядом с остальными одежками. Прошла к краю косы и сразу вошла в воду. Ее подруга спустила с плеча вторую лямку – комбинезон упал на траву, – потом стянула рубаху. Больше на ней ничего не было. Направившись к воде, она чуть повернулась боком туда, где в отдалении сидели мужчины, и, обратив к ним лицо, сделала смешное движение, этакий щегольской шаг в сторону и взмах руками, словно исполнительница стриптиза. Старик снова издал характерный густой смешок и подтолкнул Дэвида тростью под локоть. Он восседал, словно султан на троне, глядя на своих юных рабынь: две нагие фигурки – теплые, смуглые спины на лазури воды – уходили все дальше, к середине озера. Дно полого спускалось в глубину. Но вот Мышь рванулась вперед и поплыла: четкий, вполне правильный кроль. Уродка осторожно шла дальше в глубину, высоко подняв голову: старалась не замочить свои драгоценные рыжие кудряшки; потом осторожно легла на воду и поплыла медленным, неумелым брассом.

– Жаль, что вы женаты, – сказал Бресли. – Им трахаль хороший нужен.

К середине ланча Дэвид почти совсем освоился. Глупо, что он так поначалу смутился. Конечно, если бы Бет была с ним... они и сами на отдыхе часто купались так же, даже нарочно отыскивали укромные уголки на берегу; она присоединилась бы к девушкам не задумываясь.

Неловкость его растаяла отчасти благодаря старику, который, отправив девчонок купаться, снова не то чтобы разговорился, а скорее даже – доказывая свое полнейшее раскаяние – наконец-то принялся спрашивать Дэвида о нем самом. Вопрос о том, что и как Дэвид

пишет, не поднимался, но Бресли, видимо, интересовало, «как он вошел в игру», как живет, из какой он семьи; старик попросил его рассказать о Бет и о детях. Он даже предложил Дэвиду: привезите как-нибудь Бет и дочерей, рад буду познакомиться, люблю малышей... А Дэвид был достаточно тщеславен, чтобы почувствовать себя польщенным. То, что произошло вчера за обедом, вполне вписывалось в средневековый контекст, обсуждавшийся во время прогулки по лесу: это было не что иное, как испытание огнем. И он явно выдержал это испытание; интересно, чем еще, помимо прямого совета, он обязан Мыши? Наверняка утром, когда старик проснулся, она сказала ему пару ласковых о вчерашнем; а может, и напомнила, что его доброе имя хоть и ненадолго, но все же у Дэвида в руках.

Тем временем девушки выбрались из воды, вытерлись и улеглись на косе бок о бок, подставив тела солнцу. Испытание было, пожалуй, не огнем, скорее ему пришлось преодолеть подводный риф, а теперь, после мучительных усилий, он очутился в тихой голубой лагуне. Снова, словно эхо, на сей раз – Гоген: смуглые груди и сад Эдема. Удивительно, как естественно Котминэ и жизнь, которую ведут в этой усадьбе, умещаются в такие вот моменты, в пространство мифа, существуя как бы вне времени. Вне современности. А затем наступил еще один такой момент. Девушки поднялись с травы. Вероятно, они пришли к определенному выводу насчет собственной скромности или решили, что им дороже обойдутся язвительные выпады старика, только шли они назад как были, неся одежду в руках и вовсе не выказывая никакой застенчивости, по крайней мере – внешне; однако двигались они с каким-то нарочитым, неправдоподобным равнодушием к собственной наготе, какое обычно видишь среди обитателей нудистских колоний.

– Эй, мы есть хотим! – крикнула им Уродка.

Волосы у нее на лобке были тоже крашенные – того же оттенка, что и красно-рыжие кудряшки на голове. Без одежды она казалась еще более нелепой. Опустившись на колени на самом солнцепеке, девушки принялись распаковывать корзинки, а Дэвид помог Бресли перебраться поближе к солнцу. Гоген исчез: его место занял Мане.

Все принялись за еду, и очень скоро нагота девушек стала казаться совершенно естественной. Они сумели и старика каким-то образом утихомирить. Непристойности из его речи исчезли, он словно излучал мирное языческое довольство. Чудесный французский хлеб, корочки с деликатесами, которые девушки привезли из Плелана, отсутствие вина: старик пил «виши», девушки – молоко, для Дэвида припасли бутылку пива. Уродка сидела скрестив турецки ноги. Что-то в ней было негроидное, может быть, такое впечатление создавалось из-за экзотической прически и цвета волос, из-за очень темного загара: она похожа была на австралийскую туземку, к тому же – обоеполою. Психологически она по-прежнему была Дэвиду неприятна, он не мог точно определить, почему именно... но то, что в Мыши представлялось ему разумным милосердием, в Уродке оборачивалось какой-то бездумной порочностью. Она не позволяла себе непристойных шуточек, но Дэвид не мог избавиться от чувства, что неявный сексуальный подтекст их поведения ее и возбуждает, и забавляет. Может, для остальных все это и не выходило за «цивилизованные» рамки, но ей – с ее не так уж тщательно скрываемой искушенностью – здесь виделось что-то иное, и дело было вовсе не в нравственных устоях: она будто бы понимала про себя, будто бы молча намекала, что Дэвиду кое-что перепадает задаром; оттого-то он и испытывал неловкость, сознавая, что должен еще доказать ей, чего он стоит. Она по-прежнему вроде бы с неприязнью воспринимала его присутствие. И он совершенно не представлял себе, что же еще можно узнать о ней, помимо того, что она умеет распознать притворство и самую малость склонна к модному теперь мелочному нарциссизму – стилю жизни, явно предназначенному скрыть, что жизнь не удалась. Казалось, она живет иждивенкой, не утруждая себя, за счет выдержки и честности подруги, и единственная ее заслуга – та, что ее здесь терпят.

А может быть, его отталкивал и их физический контраст. Мышь, несмотря на хрупкость, была очень женственна: длинноногая, небольшие упругие груди красивой формы... Она сидела напротив Дэвида, опираясь рукой о землю, подогнув ноги. Дэвид в те моменты, когда знал, что взгляд его не будет перехвачен, смотрел на ее обнаженное тело, следя за каждым движением: она поворачивалась, передавая что-нибудь то одному, то другому. Говорили о вещах вполне тривиальных, и тут снова призрак супружеской неверности возник где-то на задворках сознания: не то чтобы Дэвид всерьез задумался об актуальности этой проблемы, но если бы он не был женат, если бы Бет... то есть если бы у Бет отсутствовали некоторые неприятные черточки, если бы она порой проявляла большую чуткость по отношению к нему, не была бы иногда слишком приземленно-практичной... черточки, которые эта привлекательная, такая искренняя и так невозмутимо владеющая ситуацией молодая женщина была бы просто неспособна выказать, а уж тем более ими злоупотреблять – для этого она была слишком умна и интеллигентна (Дэвид успел разглядеть в ней нечто такое, к чему сам стремился в своей работе: независимость суждений и в то же время сдержанность)... Бет вовсе не утратила для него привлекательности, его возбуждала сама мысль о возможности, после Котминэ, провести отпуск во Франции с нею вдвоем, без детей (к тому же теперь, когда Бет молчаливо согласилась снова стать матерью и они оба так хотели третьего ребенка – сына!)... просто соблазн уж очень велик... Конечно, он мог бы, если бы не был самим собой, но раз уж такая возможность могла возникнуть... то есть, вернее, такая возможность не могла возникнуть... скорее – вероятность, да и то где-то в безопасном далеке.

Кожа девушки отсвечивала бронзой там, где на нее падали солнечные лучи, в тени цвет ее тускнел, зато она казалась мягче и нежнее. Нежные соски, изящная линия подмышек, густые завитки волос на лобке. Зажившая царапина на большом пальце ноги. Медленно просыхают небрежно распутившиеся, чуть спутанные пшеничные волосы; и эта хрупкость, изящество итальянского кватроченто; одежда, которую она носила, длинные платья, юбки – все это только вводило в заблуждение, скрывая ее чувственную привлекательность. Она сидела боком, обратив лицо к озеру, чистила яблоко; обернулась – передала четвертушку Бресли, другую протянула Дэвиду. Жест безукоризненной чистоты – но как волнует!

Для Генри наступило время сиесты. Уродка встала и опустила спинку шезлонга. Потом сама опустилась на колени рядом со стариком и принялась нашептывать что-то ему на ухо. Он обнял ее за талию, медленно провел рукой по спине до плеча и притянул девушку к себе, а она склонилась к нему и легонько коснулась губами его губ. Он шлепнул ее по голой попке, сложил руки на животе, а Уродка тщательно прикрыла ему лоб и глаза темно-красным носовым платком. Четко очерченный рот, розовый нос картошкой. Уродка постояла с минуту, глядя на старого художника, потом обернулась к Дэвиду и Мыши и состроила смешную гримаску.

Мышь улыбнулась Дэвиду и тихонько произнесла:

– Свобода. Отойдем подальше. Так и ему и нам спокойнее.

Поднялись с травы. Девушки подобрали высохшие полотенца, а Уродка, порывшись в одной из корзин, выудила оттуда свою книгу. Втроем они прошли по направлению к косе и, отойдя шагов на тридцать, откуда их голоса не могли помешать старику, остановились. Расстелили полотенца, и обе девицы улеглись на них, ногами к воде, уткнув подбородки в ладони. Дэвид сел, потом прилег на бок, опершись на локоть, шагах в пяти-шести от девиц, ближе к лесу. Теперь ему на память – вот уж совершенный абсурд! – пришла другая картина: два мальчика увлеченно внимают рассказу моряка елизаветинского флота⁸⁹. Теперь он смог разглядеть

⁸⁹ Имеется в виду герой знаменитой поэмы английского поэта-романтика С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Сказание о старом мореходе».

название книги, которую читала Уродка, – «Маг»⁹⁰: астрологической чепухой интересуется, – догадался он, – с нее станется. Но Уродка вдруг широко ему улыбнулась:

– Ну что, жалеете, что приехали?

– Господи, с чего вы взяли?

– Ди мне рассказала. Про вчерашний вечер. Вы меня простите, ладно? Я знала, что так и будет, и просто струсила.

Дэвид улыбнулся:

– Да я и сам попросил бы разрешения выйти из-за стола, если бы понял, к чему дело идет.

Уродка поцеловала два сложенных пальца и коснулась ими плеча подруги, передавая поцелуй.

– Бедняжка Ди. Вечно я оставляю ее одну справляться с этим.

Бедняжка Ди улыбнулась, не поднимая глаз.

– И как долго вы думаете продержаться? – спросил Дэвид.

Уродка чуть суховаато кивнула в сторону Мыши: ей отвечать. Та покачала головой:

– Не думаю о будущем.

– Как бывший преподаватель живописи...

– Я знаю.

Уродка опять состроила гримаску – Дэвиду:

– Здравый смысл здесь не имеет смысла.

Мышь возразила:

– Не в этом дело.

– Просто трудно расстаться?

– Полагаюсь на волю случая, наверно. Если уж занесло сюда по воле случая, пусть случай отсюда и уносит.

– И как же это вас сюда занесло?

Она взглянула на Уродку: взгляд иронический и вопрошающий, видимо – их общий секрет.

– Да ладно, скажи ему.

– Глупость ужасная.

Мышь потупилась, избегая встретиться с ним глазами.

– Я весь – внимание, – совсем тихо произнес Дэвид.

Мышь отвела от подбородка одну ладонь; принялась тереть траву; маленькие груди – в тени; пожала плечами.

– Прошлым летом. В августе. Я была здесь, во Франции, с другом. Он тоже изучает искусство. Скульптор. Увлекался тогда неолитом. Мы добирались до Карнака автостопом. – Она взглянула на Дэвида. – Знаете, эти менгиры и целые аллеи камней, выстроившихся по росту?⁹¹ Мегалит? По чистой случайности на шоссе номер двадцать четыре – из Ренна – нас подобрал учитель из Плермеля. Подвез немного. Мы ему сказали, что мы – из Англии, изучаем живопись и скульптуру. А он рассказал нам про Генри. Разумеется, мы многое о нем знали – это же известное имя. Я даже знала, что он живет где-то в Бретани. – Она согнула одну ногу в колене, помахала в воздухе пяткой. Ложбинка на спине, загорелые нежные щеки. Тряхнула головой. – Просто абсурд какой-то: а хватит у нас безрассудства – взять и вот так заявиться к нему без спроса? Просто пойдём да постучимся в дверь. Поставили палатку в Пэмпонском лесу. Назав-

---

⁹⁰ «Маг» – роман Дж. Фаулза, написанный первым, но опубликованный позднее романа «Коллекционер» (1963) и дважды переделывавшийся автором (первое изд. – 1966, новый вар. – 1977). В русском переводе впервые вышел под названием «Волхв» (ИЛ. 1993, № 7–9).

⁹¹ Карнак – деревня на северо-западе Франции, недалеко от атлантического побережья Бретани, где сохранилась группа памятников эпохи неолита: около трех тысяч каменных памятников, как стоящих отдельно (менгиров), так и образующих целые «улицы» серых монолитов, идущих один за другим по росту – от 3,7 м до 1,2 м.

тра – утром, часов в одиннадцать, – явились к Генри. Сделали вид, что не заметили надписи на воротах. Ждали, что нас погонят взашей, да так оно почти и было. Только нас понесло без остановки: мы обожаем его работы. Он – вдохновитель нашей молодежи. И всякое такое. Несли полнейшую чушь. А ему вдруг все это по душе пришлось – у нас же хватило смелости к нему заявиться... Ну, вы понимаете. И все это происходит на пороге. Но тут нас впустили в дом. И он нам кое-что показал. Картины в большой комнате. А мы чуть не все время едва от смеха удерживались. Эта его манера говорить... то ли спятил старый чудак, то ли он вообще пустое место... – Она вытянула на траве обе руки и внимательно их разглядывала. – А потом – его студия. Я увидела, что он делает. Может, вы и сами вчера это почувствовали. Как громом поразило. Попадаешь в совершенно иной мир. – Она опять подперла подбородок руками и не отрывала глаз от лесной чащи за спиной Дэвида. – Тратишь три года, чтобы научиться правильно воспринимать живопись. Правильно писать. В результате понимаешь и умеешь еще меньше, чем раньше. Потом на твоём пути попадается такой вот нелепый старый хрыч, который и пишет и понимает все не так, как надо. И это – настоящее. И становится ясно, что все твои маленькие победы, вместе с твоим хвалёным интеллектом в придачу, на самом деле ничего не стоят. – Тут вдруг она спохватилась и быстро проговорила: – Ох, простите, я вовсе не имела в виду, что вы должны были почувствовать то же самое. Но со мной было именно так.

– Да нет, что вы. Я прекрасно вас понимаю.

Мышь улыбнулась:

– Ну и зря. Вы-то несравнимо лучше.

– Сомневаюсь. Но это к делу не относится.

– Вот, собственно, и все. Да, еще, в самом конце Том отправился за фотоаппаратом – мы ведь бросили рюкзаки во дворе. Генри говорит мне, что я ужасно привлекательная «девчурка», жалко, хотел бы он быть помоложе. Ну, я засмеялась, говорю, а я хотела бы быть постарше. Тут он вдруг берет мои руки в свои. И целует мне руку. Ужасно старомодно. Так все быстро получилось. Вернулся Том, сделал несколько снимков. Вдруг Генри говорит, может, останетесь – приглашаю на ланч. Но мы подумали, это он из вежливости и нам следует отказаться. Идиоты! Он никогда ничего не делает из вежливости. Без причины. Может, я тогда уже это поняла, что-то такое в его взгляде... Но я знала – Тому надо ехать дальше. Ну, этот отказ все сразу как-то разрушил. Знаете, как это бывает, отказываешь кому-то в чем-то, просто считаешь – это ему вовсе не важно, потом – слишком поздно – понимаешь, что очень важно. – Она мельком глянула в сторону ели. – Думаю, он решил, что мы все это затеяли просто для смеха, что сам он нам вовсе не интересен. Так оно и было, в общем-то. Он же – знаменитость. По-дурацки все вышло. Будто мы просто за знаменитостями охотимся. – Она помолчала. – Странно. Когда мы уходили, у меня такое гадкое было чувство. Хотелось вернуться.

Мышь долго молчала. Уродка скрестила на траве руки и удобно, как на подушку, уложила на них голову, лицом к подруге.

– Вернулись в Лондон. Через два семестра – девять месяцев прошло, – а я себе места не нахожу. С Томом все кончилось. Чувствую, ничего я в Королевском колледже не получаю. Они тут ни при чем. Все дело во мне самой. – Ее пальцы снова принялись тереть траву. – Когда познакомишься со знаменитым художником, начинаешь смотреть на его работы совсем иначе. Начинаешь видеть. Я не могла забыть тот августовский день. Как мы низко поступили с этим человеком, а он-то ведь всего-навсего несчастный одинокий старик, к тому же еще и не умеющий выражать свои мысли словами. Ох, ну и много еще всего в том же роде... И о собственной работе. И в один прекрасный день я села и написала ему письмо. О себе. И о том, как мне жаль, что мы отказались от ланча. Жаль, что вот так взяли и ушли. И что, может, ему нужна помощь по дому. Или смешивать краски. Да все, что угодно.

– А он помнил, кто вы?

– Я послала ему один из снимков, которые Том тогда сделал. Генри и я – стоим рядом. – Она улыбнулась каким-то своим мыслям. – Письмо это было из тех, что, как только отправишь, в дрожь от стыда бросает. При мысли, что ты такое написала. И я знала – он не ответит.

– Но он ответил.

– Телеграммой. «Всегда рад взять хорошенькую девушку. Когда?»

– Генри – лапочка, – сказала Уродка, – весь в этом. Без обиняков.

Мышь глянула на Дэвида и поморщилась.

– Приехала, ни о чем таком и не помышляя. Разумеется, я слышала о его прошлом. О его репутации. Но думала: я с этим справлюсь. Установлю отношения сама – дедушка и внучка, и все тут. А не то – просто уеду. Если станет совсем уж немоготу. – Она снова потупилась. – Но у Генри имеется одно совершенно необыкновенное качество. Прямо мистика какая-то. Не говоря уж о его картинах. Он как-то умеет... растворить, рассеять что-то в тебе... Какие-то вещи уже не кажутся важными, теряют значение. Ну, вот это, например. Учишься не стыдиться своего тела. И наоборот: стыдиться условностей. Он как-то раз прекрасно это сформулировал. Сказал: исключения не подтверждают правил, они просто суть исключения из правил. – Ей явно не хватало слов. Она улыбнулась Дэвиду. – Тяжело объяснять это, кто нас поймет? Надо просто влезть в нашу шкуру, чтобы понять.

– А вообще-то все это скорее на уход за больным похоже, – сказала Уродка.

Помолчали. Потом Дэвид спросил:

– Ну, а вы как сюда попали, Энн?

Ответила ему Мышь:

– Мне становилось трудновато. Не с кем словом перемолвиться. В Лидсе мы вместе квартиру снимали. Переписывались. Я знала, что Энн не очень-то довольна тем, как у нее преддипломная практика идет. Ну, как только она закончила...

– Я приехала на одну недельку. Ха-ха!

Дэвид взглянул вниз, на ее повернутое к подруге лицо, и ухмыльнулся:

– Во всяком случае, это интереснее, чем живопись преподавать?

– И лучше оплачивается.

– Ну, он-то может себе это позволить.

Мышь возразила:

– Приходится даже возвращать ему деньги. Контракта у нас никакого нет. Он просто швыряется деньгами – дает, не считая. Сто фунтов. Двести. А если мы с ним вместе в Ренн едем, мы стараемся на платья в витринах не глядеть. А то он обязательно купит.

– На самом-то деле он очень добрый, – сказала Уродка и перевернулась на спину.

Мальчишеская грудь с очень темными сосками, кустик крашенных красно-рыжих волос на лобке. Приподняла ногу, почесала над коленкой и снова опустила.

– Работать с ним – удивительно, – продолжала Мышь. – Он невероятно терпелив. Ничто не выводит его из себя. Ни живопись, ни рисунок. Знаете, мне мои работы иногда просто отвратительны. Вы рвете свои работы? Генри свои выбрасывает. Но всегда с сожалением каким-то. Вещь сотворенная для него священна. Даже если не удалась. С людьми он таким не бывает. – Она замолчала. Покачала головой. – И в студии он молчит. Почти всегда. Словно немой, будто произнесенное слово может все испортить.

Уродка проговорила, глядя вверх, в небесную голубизну:

– Еще бы. С его-то манерой этими словами пользоваться. – Она очень похоже передразнила старика: – «У тебя менструация, что ли?» Ну, скажу я вам! – И она подняла к небу открытую ладонь, будто отталкивая подальше это воспоминание.

– Ну, как-то он должен все это компенсировать.

Уродка пощелкала языком, соглашаясь:

– Да, я понимаю. Бедняга. Старый, как черт. А это для него, наверно, самое ужасное.

Она повернулась на бок, оперлась о локоть и взглянула на Мышь:

– Слушай, Ди, странно, правда? Он еще кое-что может. И по-своему даже сексапильный, хоть и старый совсем и смешной. – Она повернулась к Дэвиду. – Знаете, когда я в первый раз... ну, представляешь себе ребят своего возраста и всякое такое... Но он наверняка был просто потрясающий... Когда молодой был... и, о господи, только послушать, что он рассказывает! – Уродка снова состроила Дэвиду клоунскую гримаску. – Про старые славные деньки. Что это такое он нам заливал позавчера, а, Ди?

– Не глупи. Это же сплошные фантазии.

– Вот черт старый! Очень надеюсь, что ты права.

Мышь возразила:

– Это и не секс вовсе. Контакт. Воспоминания. Связь человека с человеком. Это он и пытался объяснить вчера вечером.

Дэвид наконец понял, чем девушки отличаются друг от друга. Одна всячески стремилась преуменьшить сексуальную сторону в отношениях со старым художником, другая ее значение признавала. И кроме того, совершенно интуитивно он чувствовал, что Уродка пользуется его присутствием, чтобы высказать свое несогласие с подругой, и тут он был полностью на ее стороне.

– Эта его экономка, да и муж ее тоже, должно быть, люди весьма широких взглядов?

Мышь разглядывала траву перед собой.

– Только никому не говорите, ладно? Знаете, где Жан-Пьер провел конец сороковых и все пятидесятые? – Дэвид помотал головой. – В тюрьме. За убийство.

– Ну и ну!

– Убил собственного отца. Какой-то семейный спор из-за земли. Французские крестьяне. Матильда служит у Генри экономкой с сорок шестого, когда он из Уэльса в Париж вернулся. А ведь он знал тогда про Жан-Пьера. Матильда сама мне все это рассказала. Генри не может поступать плохо: он безупречен. Ведь он не оставил их в беде. Был с ними.

Уродка фыркнула:

– Особенно с Матильдой.

Мышь взглянула на Дэвида вопрошающе:

– Помните грузноватую модель его первых послевоенных полотен? Нью?

– Господи, да мне и в голову не пришло.

– Матильда никогда даже не упоминает об этой стороне их отношений. Говорит только, что «месье Анри» помог ей обрести веру в жизнь. Помог ждть. И она – единственный человек на свете, с кем он никогда – ну, просто ни за что – не выходит из себя. Тут как-то на днях, за обедом, он совершенно слетел с катушек – обозлился на Энн за что-то. Выскочил из-за стола и марш на кухню. Минут через пять захожу туда. Сидит себе, как миленький. За столом. Вместе с Матильдой. Он обедает, а она ему письмо от своей сестры читает. Ну прямо священник со своей любимой прихожанкой. – Мышь коротко усмехнулась. – Позавидуешь, право. Или ревновать начнешь.

– А вас он рисовать не пробовал? Ни ту ни другую?

– У него руки сильно дрожать стали. Но пару рисунков он сделал – Энн. Один просто прелестный, шуточный. Знаете знаменитую афишу Лотрека⁹² – Иветт Гильбер? А это – пародия на нее.

Уродка запустила растопыренные пальцы в стоящую торчком шевелюру, взбила волосы и устремила ладони к небесам:

– А как быстро он это сделал! За полминуты всего. Ну, может, за минуту, самое большее, а, Ди? Фантастика. Правда-правда.

---

⁹² Тулуз-Лотрек Анри (1864–1901) – французский художник-постимпрессионист, рисовальщик и график.

Она перевернулась на живот и подперла подбородок руками. На ногтях – ярко-красный лак.

Мышь снова внимательно посмотрела на Дэвида:

– А он с вами о вашей статье не заговаривал?

– Только чтобы сообщить, что названных там имен в жизни не слышал. Кроме Пизанелло.

– А вы ему не верьте. Память на картины у него совершенно невероятная. Я сохраняю некоторые его наброски. Знаете, вот он пытается рассказать о какой-нибудь картине, а тебе непонятно, какое полотно он имеет в виду. Он тогда берет и рисует. Как Энн говорит – молниеносно. И точно. Абсолютная память.

– Это несколько поднимает мой дух.

– Да разве он согласился бы, чтобы вы делали эту книгу, если б вам не удалось попасть почти в самую точку?

– А я уж было стал недоумевать.

– Он всегда гораздо яснее сознает, что он творит, чем нам представляется. Даже когда переходит всяческие границы. Как-то я поехала с ним в Ренн, это еще до приезда Энн было. Посмотреть «Смерть в Венеции»⁹³. Такая бредовая идея мне в голову пришла. Что Генри – настоящему Генри – должно бы понравиться. Образный ряд хотя бы. Первые двадцать минут он был пайнкой – золото, а не человек. Но вот на экране появляется этот ангелоподобный мальчик... При следующем его появлении Генри произносит: «Какая девушка хорошенькая. Часто в фильмах снимается, а?»

Дэвид рассмеялся. Ее глаза тоже светились, в них так и прыгали смешинки. Она утратила серьезность и выглядела теперь не старше своих лет.

– Вы и не представляете – это просто кошмар какой-то. Генри начинает рассуждать, девушка это или парень. Во весь голос. По-английски, разумеется. Потом мы переходим к «жопошникам» и современному декадансу. К модернистам. Зрители вокруг начинают возмущаться и требовать, чтобы он замолчал. Тогда он ввязывается с ними в перебранку – уже по-французски. Он, видите ли, не знал, что в Ренне столько извращенцев, и... – Она приставила к виску указательный палец, словно дуло пистолета. – Тут бог знает что началось, чуть ли не бунт настоящий. Пришлось его силком оттуда тащить, пока фараонов не вызвали. И всю дорогу домой он объяснял мне, что кинематограф – он называет его «синематограф» – начался с Мэри Пикфорд и Дугласа Фэрбенкса и с ними же закончился. Тупость невероятная. Он и десяти фильмов не посмотрел за последние двадцать лет. Но уверен, что все об этом знает. Как с вами вчера вечером. Чем убедительнее ваши доводы, тем хуже он их слышит.

– И все это – игра?

– Странно, но так у него проявляется чувство стиля. Он играет, но по-честному. Понимаете, он вроде бы заявляет: я и не собираюсь равняться с вами – вы молоды, а я – старик, я такой, как есть, и не желаю ничего понимать.

– Он поэтому и говорит так, – сказала Уродка. – Все время говорит мне – ты ведешь себя как гулящая девка. Ну, засмеешься, скажешь ему: «Генри! Гулящие девки перевелись – вышли из моды вместе со шнурованными корсетами и шелковыми панталонами». Бог ты мой! Но он только хуже расходится, верно, Ди?

– Но все это вовсе не так бессмысленно, как выглядит. Он понимает – надо, чтоб нам было что в нем высмеивать. Даже ненавидеть.

– Чтоб было, что прощать.

Мышь развела раскрытые ладони.

---

⁹³ «Смерть в Венеции» (1971) – фильм Л. Висконти по одноименной новелле Томаса Манна. (В главной роли – Дирк Богард.)

Помолчали. Осеннее солнце пригревало. Большая бабочка – красный адмирал – задержалась, пролетая, затрепетала крылышками над Мышью, над изгибом ее спины. Дэвид понимал, что сейчас произошло: ими владела ностальгия по студенческим временам, по тем отношениям, которые складывались в колледже. Это стремление к откровенным беседам, к бесконечным разговорам обо всем на свете, желание убедиться, что твой наставник способен быть просто человеком, посмотреть, насколько он способен спуститься с пьедестала; стремление не просто исповедаться, но и увидеть результаты этой исповеди, реакцию на нее.

Мышь сказала, обращаясь к траве перед собой:

– Надеюсь, все это вас не слишком шокирует?

– Я просто восхищен тем, как хорошо вы его понимаете. И как ведете себя с ним.

– Иногда мы в этом сомневаемся. – Помолчав, она пояснила: – Может, мы и вправду всего-навсего Мышь и Уродка. Может, он недаром нас так прозвал.

Дэвид усмехнулся:

– Ну, прямо скажем, вы не выглядите такими уж скромницами.

– Да я ведь сюда просто сбежала...

– Но вы же сказали, что здесь вы узнаете гораздо больше?

– О жизни. Но...

– Не о живописи?

– Я пытаюсь начать все с самого начала. Пока не могу сказать.

– Это вовсе не по-мышинному.

– Да наплевать на все это, – сказала Уродка. – Лучше я буду тут с одним Генри сражаться, чем с четырьмя десятками сорванцов.

Мышь улыбнулась, и Уродка подтолкнула ее плечом.

– Тебе-то что, с тобой все в порядке. – Она взглянула на Дэвида. – Честно говоря, у меня не жизнь была, а черт знает что. В колледже. Наркотики. Правда, не самые сильные. Трахалась с кем ни попадя. Путалась со всякими подонками. Ди знает, сколько их было. Правда-правда. – Она толкнула пяткой ногу подруги. – Верно ведь, Ди? – Мышь молча кивнула. Уродка смотрела теперь мимо Дэвида, туда, где спал старый художник. – По крайней мере, с ним все по-другому. Тебя не просто трахнули и пошли переспать с другой телкой. По крайней мере, он тебе благодарен. Одного паршивца я в жизни не забуду. Он был... Ну, знаете, такой – фу-ты, ну-ты – важная шишка. И знаете, что он мне говорит? – Дэвид помотал головой. – «И чего это ты такая тощая, а?» – Она шлепнула себя по лбу. – Да нет, Богом клянусь, как подумаю, с чем мне мириться приходилось... А тут – беденький старенький Генри... у него слезы на глазах, если в конце концов получается.

Тут Уродка потупилась, словно осознав, что была чересчур откровенна, но неожиданно подняла голову и широко улыбнулась Дэvidу:

– Теперь вы кучу денег можете зашибить, если все это в «Ньюс ов зе уорлд»⁹⁴ тиснете.

– Думаю, авторские права все равно вам принадлежат.

Она долго смотрела на него испытующим взглядом, чуть вызывающе. Глаза у нее темно-карие – самая привлекательная черта на худеньком личике. В них видна и прямота, и, если присмотреться, даже нежность; Дэвид обнаружил, что за эти сорок минут после ланча ему действительно удалось узнать ее получше. За грубоватой манерой речи угадывалась искренность чувств и открытость – не та открытость, что свойственна Мыши, выросшей в интеллигентной среде и обладающей независимостью, незаурядным умом и несомненным талантом, но та, что тяжело далась этой девчонке из рабочей семьи всей ее жизнью, которая и «не жизнь была, а черт знает что». Дружба и взаимопонимание между обеими стали Дэvidу понятны; девушки были в чем-то похожи, а в чем-то дополняли друг друга. И наверное, эта их нагота, солнечный свет и

⁹⁴ «News of the World» – британский таблоид.

голубая вода, тихие голоса и безмолвие затерянного в лесной глуши озера, соединившись, все теснее и теснее затягивали узы, связавшие его с тремя совершенно чужими ему людьми; у него рождалось ощущение, что он знает их всех давным-давно, знает историю их жизни; и наоборот, люди, которых он знал, жизнь, с которой так хорошо был знаком, за последние сутки каким-то таинственным образом отступили в тень, истаяли, исчезли из памяти. День сегодняшний – это была реальность во всей ее полноте, день вчерашний и завтрашний обратились в миф. Тут было и другое, прямо-таки метафизическое ощущение благодарности за дарованную ему привилегию: ведь он, Дэвид, родился в такой среде и в такое время, что стало возможным пережить столь быструю метаморфозу; но рядом с этим ощущением брезжила и мысль гораздо более банальная – прекрасно, что благодаря успешной карьере он получил такую возможность. А друзья... если бы только они могли видеть его сейчас... И он подумал о Бет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.